

136-8-3.
 $\Delta \frac{2}{94}$ N $\frac{61}{192}$

801-13
1819

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦІИ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

подъ редакціей

Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова.

Цѣна 2 р. 50 к.

№ 5.

1909 г.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

С.-Петербургскій книжный магазинъ „Учебное Дѣло“.

СПБ. Петербургская стор., Большой пр., д. 6.

аграрному вопросу, поскольку въ ней не отражались классовые интересы данной же группы, приходится объяснить желаніемъ авторовъ видѣть всѣхъ нуждающихся „устроенными“ на мѣстѣ жительства на родинѣ, а не за „тридевять земель“.

Это неисполнимое желаніе заставляло не дооцѣнивать и даже вовсе сводить на нѣтъ переселеніе—это крупное явленіе въ народной жизни, дающее въ итогѣ цѣлый комплексъ новыхъ возможностей расширить жизнь не только индивидуальную, но и государственную. Переселеніе, конечно, не рѣшаетъ аграрнаго вопроса въ цѣломъ. Только совокупность различныхъ мѣропріятій способна дать то или иное направленіе существующему аграрному кризису. Но въ числѣ этихъ мѣропріятій всегда будетъ имѣть очень почетное мѣсто организація расселенія и особенно переселенія, роль котораго, и при современныхъ не вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ, оказалась для аграрныхъ затрудненій весьма замѣтной.

И. Введенскій.

Соціальное строеніе киргизскаго народа въ прошломъ и настоящемъ.

Введение.

Стоящій на очереди вопросъ о землеустройствѣ киргизъ, въ связи съ русской колонизаціей занимаемыхъ ими нынѣ степныхъ областей Азіатской Россіи, выдвинулъ другой, частный вопросъ—о нормахъ, по которымъ должны быть надѣлены киргизы землей. Послѣдній вопросъ имѣетъ двѣ стороны. Во-первыхъ, необходимо установить нормы надѣленія для различныхъ хозяйственныхъ типовъ киргизскаго населенія: кочевого, осѣдло-скотоводческаго и осѣдло-земледѣльческаго. Во-вторыхъ, необходимо рѣшить, примѣнять-ли эти нормы ко всей массѣ киргизскаго народа безразлично или слѣдуетъ сдѣлать изъятіе для категоріи наиболѣе крупныхъ хозяйствъ. Въ послѣдней части вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ связи съ изученіемъ современнаго соціально-экономическаго строя киргизскаго народа.

Существованіе среди киргизскаго народа значительнаго экономическаго и соціальнаго неравенства констатируется во всѣхъ трудахъ Правительства по вопросу о землеустройствѣ киргизъ. Такъ въ журналѣ совѣщанія о землеустройствѣ киргизъ, состоявшагося въ 1907 г. подъ предсѣдательствомъ тов. министра Вн. Д. Лыкошина, читаемъ: „Несомнѣнно въ основѣ отмѣченнаго различія (въ размѣрахъ землепользованія отдѣльныхъ общинъ) лежатъ чисто историческія причины, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось киргизское землепользованіе.“

Сначала сильные родовые группы, а затѣмъ богатые и вліятельные родовичи упрочили за собою въ большихъ размѣрахъ пастбищныя угодья на счетъ болѣе слабой и по родовымъ связямъ и по экономическому обезпеченію части кочевого населенія.

Родовая киргизская аристократія—султаны—потомки хановъ, нѣкогда управлявшихъ киргизами, пользуясь полученною отъ русскаго правительства властью надъ народомъ, захватили въ свои руки общественныя земли и подѣлили лучшія изъ нихъ между своими родственниками. Съ перемѣною системы управленія киргизами и введеніемъ выборнаго начала внутренніе распоряжки мало измѣнились. Въ большинствѣ мѣстъ киргизской степи потомки султановъ-правителей сохранили надъ народомъ власть экономическую и продолжаютъ, поэтому, владѣть лучшими землями и въ большемъ количествѣ, чѣмъ рядовая киргизская масса.

Съ теченіемъ же времени естественное въ патриархальномъ быту вліяніе родоначальниковъ перешло къ богатымъ представителямъ общины (аула).

Предоставленное состоятельнымъ киргизамъ преимущество пользованія землею вмѣстѣ съ другими условіями степной жизни (удаленность рынковъ, отсутствіе кредита и пр.) создало самыя благоприятныя условія для эксплуатаціи и закабаленія труда, для ростовщическихъ ссудъ деньгами и натурой и накопленія этимъ путемъ громаднхъ для степняка богатствъ*).

Столь же сильная экономическая дифференціація наблюдается, по словамъ Журнала совѣщанія 1907 г., и среди киргизъ Туркестанскаго края. Разница по сравненію со степными областями Сибири, къ которымъ относится вышеприведенная цитата, заключается лишь въ томъ, что въ первыхъ—дифференціація количественнаго характера, въ Туркестанѣ же—также и качественного: киргизы-богачи ведутъ скотоводческо-кочевое хозяйство, тогда какъ менѣе состоятельные и бѣдные хозяева занимаются преимущественно или даже исключительно земледѣліемъ**).

*) Стр. 9 „Журнала Совѣщанія о землеустройствѣ киргизъ“.

**) Ibid. стр. 88.

Отмѣтивъ фактъ экономического разслоенія киргизскаго народа, междувѣдомственное совѣщаніе 1907 г. признало, однако, необходимымъ примѣнять однообразныя землеустроительныя нормы, въ предѣлахъ данной мѣстности и даннаго хозяйственнаго типа, для всей массы киргизскихъ хозяйствъ. „Во избѣжаніе же—хозяйственной и бытовой ломки при сплошномъ землеустройствѣ киргизъ“, Совѣщаніе постановило предоставить Главному управляющему Землеустройствомъ и Земледѣліемъ дѣлать исключенія для отдѣльныхъ группъ хозяйствъ какъ въ сторону повышенія нормъ, такъ и въ сторону ихъ пониженія.

Та же точка зрѣнія на данный вопросъ развивается Главнoуправляющимъ Землеустройствомъ и Земледѣліемъ въ представленіи Совѣту Министровъ отъ 13 мая 1908 г. за № 16011 „о возобновленіи землосотводныхъ работъ въ киргизскихъ общинахъ, подвергавшихся изъятію земельныхъ излишковъ подъ переселеніе, съ одновременнымъ поземельнымъ устройствомъ пожелавшихъ осѣсть киргизовъ“.

„Въ силу историческихъ причинъ—говоритъ Представленіе,—подъ вліяніемъ которыхъ сложилось киргизское землепользованіе, подъ прикрытіемъ идеи принадлежности земли общинной единицѣ—киргизскому народу, родовой общинѣ, группѣ родовъ,—отдѣльные богатые представители родовъ завладѣли лучшими землями и въ неизмѣримо большемъ количествѣ, чѣмъ рядовая киргизская масса“... „Оставляемая при образованіи переселенческихъ участковъ въ пользованіи каждой группы площадь земли фактически находится во владѣніи зажиточныхъ киргизовъ, которые ведутъ примитивное скотоводство и часто сдаютъ въ аренду земли общаго пользованія, между тѣмъ какъ для 70—80% киргизскаго населенія, находящагося у нихъ чуть не въ крѣпостной зависимости, недоступно, по экономическому состоянію, скотоводство“... „Естественно, что интересы указанныхъ двухъ классовъ населенія находятся въ полномъ противорѣчій; если крупные скотоводы заинтересованы въ сохраненіи прежняго простора и неопредѣленности въ землепользованіи, то киргизская бѣднота прекрасно сознаетъ, что возможность безпрепятственнаго распоряженія хотя бы небольшими земель-

ными участками гораздо лучше оградить их интересы, чѣмъ теоретическое и неосуществимое для нихъ право на сотни десятинъ въ общественныхъ угодьяхъ“.

Предлагая надѣлять землей киргизъ, пожелавшихъ осѣсть, по однообразной нормѣ въ 15 десятинъ на душу, цитируемое Представленіе предвидитъ, что „проектируемая мѣра, вполне соответствующая общимъ пользамъ и нуждамъ государства, а также интересамъ громадной части населенія, можетъ быть, однако, сопряжена въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ ущербомъ для зажиточныхъ киргизъ, имѣющихъ обширныя запашки или крупныя стада“. Во избѣжаніе этого предполагается оставить во временномъ пользованіи киргизъ, гдѣ въ этомъ представится надобность, часть земельныхъ излишковъ, изъятыхъ изъ ихъ пользованія по новымъ нормамъ, или сдавать киргизамъ въ аренду оброчныя статьи, образованныя изъ этихъ излишковъ.

Почти тѣми же словами, что и въ цитированныхъ выше документахъ, характеризуетъ социальную-экономическую структуру киргизскаго народа заключеніе Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ отъ 19 октября 1908 г. по поводу проекта, „Объ учрежденіи землеустроительныхъ комиссій въ Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской, Уральской, Семирѣченской, Сырь-Дарьинской и Закаспійской областяхъ“, внесеннаго въ Государственную Думу шестьюдесятью ея членами.

„Подъ прикрытіемъ идеи принадлежности отведенныхъ подъ кочеваніе киргизъ государственныхъ земель всему киргизскому народу—читаемъ въ Заключеніи, фактическими распорядителями этихъ земель явились въ каждой общинѣ отдѣльныя, наиболѣе состоятельныя лица, которыя, не неся никакихъ особыхъ государственныхъ повинностей и налоговъ, раскладываемыхъ по кибиткамъ (т.-е. посемейно), сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ выгоды пользованія общинной землей. Въ иныхъ случаяхъ они развили весьма обширныя скотоводческія хозяйства, въ другихъ — большія запашки, во многихъ случаяхъ присвоили себѣ и въ свою пользу право сдачи въ аренду общинныхъ земель русскимъ переселенцамъ и, наконецъ, на почвѣ чисто экономическаго

вліянія, подчинили себѣ прочее населеніе, захвативъ въ свои руки и народный судъ, и управленіе. Не въ ихъ интересахъ обезпеченіе надѣломъ осѣдлаго трудового населенія, которое находится въ полной отъ нихъ личной зависимости, близкой къ крѣпостному состоянію, и не въ нихъ, конечно, встрѣтятъ поддержку какія-либо мѣропріятія къ осѣдлому устройству на захваченныхъ ими земляхъ земледѣльцевъ, киргизъ и русскихъ переселенцевъ, и неизбежная ломка тѣхъ бытовыхъ формъ, которыми держится вокругъ нихъ общинно-земельное безправіе“.

Высказавшись за надѣленіе киргизъ, какъ осѣдло-земледѣльческаго, такъ и осѣдло-скотоводческаго типа, по однообразнымъ для всего населенія земельнымъ нормамъ, Главноуправляющій Землеустройствомъ и Земледѣліемъ говоритъ: „Въ заключеніе этой части моихъ объясненій не могу обойти молчаніемъ сомнѣній, которыя можетъ вызвать предположеніе объ отводѣ, наряду съ надѣлами земледѣльцамъ-киргизамъ по переселенческой нормѣ, особыхъ участковъ для болѣе крупныхъ киргизскихъ хозяйствъ. Къ этому особенно обязываютъ меня указанія Совѣта Министровъ на нежелательность отвода государственныхъ земель киргизамъ въ большемъ количествѣ, при чемъ размѣръ надѣленія въ 15 дес. на душу установленъ былъ какъ предѣльный, а отнюдь не какъ общій.“

Дѣйствительно, фактическій захватъ извѣстнаго количества государственныхъ земель общиннаго пользованія едва-ли создаетъ юридическое право на ихъ закрѣпленіе, въ особенности, когда онъ не освященъ историческою давностію. Нельзя также не имѣть въ виду, что, особые размѣры земельныхъ владѣній въ данномъ случаѣ не совпадаютъ съ какими-либо особыми правами по состоянію или рожденію, такъ какъ размѣры хозяйства не находятся ни въ какой связи съ принадлежностью ихъ обладателей къ особому сословію киргизскаго народа и не соединяются ни съ родовымъ старшинствомъ, ни съ какимъ-либо превосходствомъ личныхъ качествъ или способовъ использованія государственныхъ земель.

Такимъ образомъ установленіе особаго порядка и нормъ

земельнаго обезпеченія государственными землями этого разряда киргизъ не оправдывается и какими-либо соображеніями о поддержаніи въ этой средѣ исторически сложившагося помѣстнаго сословія, для сравненія съ которымъ отдѣльные, случайно, и не всегда достойнымъ подражанія путемъ, выдѣлившіеся изъ рядовъ массы представители азіатскихъ кочевниковъ не имѣютъ никакихъ основаній“.

Какъ явствуетъ изъ вышеприведенныхъ цитатъ, правительственные акты, относящіеся къ землеустройству киргизъ, отмѣчая исторически развившуюся дифференціацію киргизскаго народа, не считаютъ ее достаточно глубокой, чтобы при сплошномъ землеустройствѣ массы киргизскаго населенія, выдѣлить какой-либо классъ его *). Однако, въ подтвержденіе этой точки зрѣнія не приводится болѣе или менѣе детального анализа социально-экономической структуры киргизскаго народа; въ частности остается открытымъ вопросъ о существованіи въ настоящее время среди киргизъ родовой аристократіи, пользующейся экономическими и социальными привилегіями на основаніи исторически сложившихся правъ, признаваемыхъ остальной массой народа.

Въ обширной исторической и этнографической литературѣ о киргизахъ мы не найдемъ спеціальнаго труда, посвященнаго этому вопросу. Точно также напрасно мы стали бы искать прямого отвѣта на него въ тѣхъ статистико-экономическихъ изслѣдованіяхъ областей, населенныхъ киргизами, которыя были предприняты Правительствомъ, начиная съ 1896 г. (экспедиція Щербины). Къ болѣе или менѣе обоснованному рѣшенію даннаго вопроса мы можемъ придти только путемъ сравнительнаго изученія данныхъ историческихъ и современныхъ статистическихъ.

*) Любопытно отмѣтить, что въ проектѣ 60 членовъ Государ. Думы объ учрежденіи землеустроительныхъ комиссій въ областяхъ, населенныхъ киргизами, комиссіямъ ставится въ задачу выработать отдѣльныя земельныя нормы для киргизъ осѣдлыхъ, полу-осѣдлыхъ и кочующихъ, но также не предполагается выдѣлять особо богатыхъ или знатныхъ.

Очеркъ исторіи киргизскаго народа.

Глава 1. Первый періодъ. 1456—1730 г.г.

Происхожденіе киргизъ теряется въ глубокой древности. О „казакахъ“ *), кочевавшихъ въ Средней Азіи, говорятъ Фирдоуси (XI ст.) и Константинъ Порфирородный (X ст.) Еще болѣе раннія указанія на существованіе казаковъ встрѣчаются у китайскихъ и персидскихъ лѣтописцевъ. Въ концѣ XII или началѣ XIII столѣтія киргизы были покорены Чингисъ-ханомъ, и, войдя въ составъ Золотой Орды, участвовали въ ея побѣдоносныхъ нашествіяхъ. Верховная власть надъ киргизами была отдана сыну Чингисову Джучи: но она была въ значительной степени номинальной, такъ какъ киргизы сохранили своихъ хановъ **). Послѣ распаденія Золотой Орды, объединившей кочевниковъ монгольскаго и тюркскаго

*) Казаки—настоящее имя киргизъ. Такъ зовутъ они сами себя, такъ зовутъ ихъ древніе лѣтописцы и историки, какъ восточные, такъ и западные, такъ звали ихъ и русскіе до XVIII в. Только съ этого времени начали прибавлять къ этому имени слово „киргизы“, которое постепенно вошло во всеобщее употребленіе какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. Киргизы, или Кара-киргизы (по китайскимъ лѣтописцамъ — Буруты)—родственное казакамъ тюркское племя. Русскіе застали его на верховьяхъ Енисея. Въ 1603 г. было первое столкновеніе съ ними, что и вызвало основаніе Кузнецкаго городка. Столкновенія русскихъ съ Кара-киргизами повторялись непрерывно въ продолженіи 50 лѣтъ, въ теченіи которыхъ киргизы переходили то въ русское подданство, то въ Джунгарское (Зюнгарское). Наконецъ въ 1656 г. кара-киргизы, покоренные Джунгарскимъ ханомъ Лабзаномъ, или Лаузаномъ, перекочевали въ Ярганскія горы между Коканомъ и Малой Бухарой. (См. Левшинъ „Описаніе киргизъ-казацкихъ или киргизъ кайсацкихъ ордъ и степей“. СПб. 1832 г., а также Д. Клеменцъ „Населеніе Сибири“ въ сборникѣ „Сибирь, ея современное состояніе и нужды“).

**) А. Левшинъ „Описаніе киргизъ-казацкихъ или киргизъ кайсацкихъ ордъ и степей“ СПб. 1832 г. т. II.

происхожденія, образовались отдѣльныя орды: крымская, казанская, Могуль-улуй (Ташкентъ) и проч. Съ этого же времени начинается самостоятельная исторія киргизскаго народа, образовавшагося изъ смѣшенія тюрковъ-узбековъ съ монголами, финскими племенами и иранцами *).

Съ 1456 г. о киргизахъ имѣются непрерывныя историческія свѣдѣнія. Около этого времени, по разсказу персидскаго автора Мухаммедъ-Хайдеръ-Гурекина, два султана—Джанибекъ и Гирей—бѣжали изъ Дештъ-Кипчака отъ хана Абуль-Хаира въ Моголистанъ (Ташкентъ) и поселились на западъ отъ него. Съ 1465 г. начинается господство киргизъ надъ среднеазиатскими областями. Число кочевниковъ, собравшихся въ это время подъ властью хана Касима, сына Джанибека, доходило до 1.000.000. Киргизы сильно тѣснили своихъ западныхъ сосѣдей ногайцевъ (татаръ) и калмыковъ. Затѣмъ, послѣ періода упадка, съ 1570 г. начинается новое возрожденіе киргизскаго народа. Ханомъ въ это время былъ Хаккъ-назаръ, онъ же Акъ-Ніазъ. Ему приписывается раздѣленіе киргизъ на три орды: большую, или старшую, среднюю и малую, или младшую.

Съ 1517 г. начинаются непрерывныя свѣдѣнія о киргизахъ въ русскихъ и европейскихъ источникахъ. Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 г.г., въ своихъ запискахъ упоминаетъ о „казачьей ордѣ“. Англичанинъ Дженкинсонъ, посѣтившій Бухару въ 1558—59 г.г., разсказываетъ о войнѣ ташкентцевъ съ казаками. Послы Іоанна IV къ ногайцамъ—Данила Губинъ (1534 г.) и Семенъ Мальцевъ (1569 г.)—доносятъ о нападеніяхъ казаковъ на ногайцевъ **). Въ это время русскіе купцы завели уже торговыя сношенія съ среднеазиатскими владѣніями и киргизами, и въ 1574 г. дана была Строгановымъ грамота на безпошлинный торгъ съ казацкой ордой.

Рѣшительными историческими моментами, опредѣлившими дальнѣйшія отношенія между Россіей и киргизами, были завоеваніе Казанскаго (1552 г.) и Астраханскаго (1557 г.) царствъ и покореніе Сибири Ермакомъ (1581 г.). Съ этихъ

*) А. Харузинъ „Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа“. М. 1895 г.

**) Харузинъ „Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа“.

поръ русскіе стали быстро приближаться къ границамъ киргизскихъ кочеваній двумя путями,—западнымъ, по теченію р. Урала, и сѣвернымъ, по теченію р. Иртыша и его притоковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ участвовали и ихъ взаимныя сношенія, какъ мирныя, такъ и враждебныя. Въ защиту отъ нападений киргизъ, равно какъ и другихъ кочевниковъ, въ удобныхъ пограничныхъ мѣстахъ строились остроги, городки, а впослѣдствіи крѣпости и форпосты, образовавшіе укрѣпленныя пограничныя линіи,—яицкую, сибирскую, оренбургскую и пр. (На линіяхъ поселялись русскіе казаки, несшіе на себѣ всю тяжесть пограничной военной службы; но постепенно, наряду съ военными поселеніями, возникли и мирныя—изъ вольныхъ и невольныхъ русскихъ переселенцевъ,) а многіе города—крѣпости превратились въ центры торговли со степью. Такимъ образомъ уже въ концѣ XVI столѣтія киргизы оказались въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ русскими и въ то же время окруженными кольцомъ враждебныхъ имъ кочевыхъ народовъ: съ запада и сѣверо-запада—башкирами, калмыками и ногайцами, съ востока—джунгарами (зюнгарами), съ юга—тюркскими народами Хивы, Бухары, Кокана и пр.

Вся исторія киргизъ въ этотъ періодъ заключается въ постоянныхъ военныхъ столкновеніяхъ какъ междуусобныхъ, между отдѣльными ордами и частями ихъ, такъ и внѣшнихъ,—съ окружающими народами. При этомъ военныя предпріятія киргизъ отнюдь не носили характера организованныхъ войнъ съ цѣлью территоріальныхъ пріобрѣтеній. Это были скорѣе простыя набѣги съ цѣлью угнать скотъ, взять плѣнныхъ и нагнать всякаго добра. Такіе „баранты“ практиковались постоянно и внутри самого киргизскаго народа, между отдѣльными племенами и родами. Нападенія на сосѣдей были тѣ же баранты, только болѣе крупныхъ размѣровъ.

Естественно, что киргизы встрѣчали вооруженный отпоръ своимъ набѣгамъ и въ свою очередь подвергались нападеніямъ башкиръ, калмыковъ, джунгаръ, а впослѣдствіи и яицкихъ, оренбургскихъ и сибирскихъ казаковъ. Эти нападенія заставляли иногда киргизъ искать какого-либо сильнаго покровительства со стороны сосѣднихъ государствъ. Такими государствами были, во-первыхъ, Россія, въ XVI и XVII сто-

лѣтіяхъ, создавшая уже централизованную государственную власть, и, во-вторыхъ, джунгарское царство, лежавшее въ предѣлахъ китайской монголіи.

Первыя прямыя сношенія киргизскихъ хановъ съ русскимъ правительствомъ находятся въ связи съ сибирскимъ походомъ Ермака. Кучумъ, ханъ сибирскій, былъ киргизъ *). По взятіи Искера Ермакомъ, Кучумъ бѣжалъ къ своему отцу, киргизскому сильному хану Муртазѣ. Послѣ смерти Ермака Кучумъ, при помощи своего отца, взялъ обратно Искеръ. Но оттуда онъ былъ изгнанъ другимъ ханомъ, Сейдакомъ. Однако Сейдакъ былъ вскорѣ взятъ русскими въ плѣнъ вмѣстѣ съ племянникомъ хана Тевкеля, султаномъ Уразъ-Мегметомъ.

Въ 1595 г. Тевкель послалъ къ царю Θεодору Іоанновичу посольство съ просьбой освободить племянника и принять киргизъ въ свое подданство. Θεодоръ со своей стороны предложилъ замѣнить Уразу Мегмета султаномъ Русейномъ, сыномъ Тевкеля, какъ заложникомъ. Переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ, тѣмъ не менѣе Θεодоръ сталъ послѣ того титуловаться царемъ киргизъ-казаковъ **).

Затѣмъ, въ теченіе болѣе, чѣмъ 100 лѣтъ, киргизскіе ханы, повидимому, не имѣли нужды обращаться къ русскому правительству. По крайней мѣрѣ, до 1717 г. мы не встрѣчаемъ историческихъ указаній на такія обращенія. Въ 1717 г., тѣснимые своими сосѣдями—башкирами, калмыками и особенно джунгарами, которыми въ то время правилъ сильный ханъ Галданъ Цыренъ, или Черенъ, киргизскіе ханы Тявка, Каипъ и Абуль-Хаиръ изъявили Россіи свою покорность въ благодарность за помощь противъ джунгаръ, которую оказалъ имъ сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ, по приказанію Петра Великаго. Не смотря на это, въ томъ же 1717 г. ханъ Абуль-Хаиръ сдѣлалъ набѣгъ на предѣлы Россіи. А въ 1718 г. ханъ Каипъ опять изъявилъ покорность письмомъ къ Петру I ***). Послѣдующіе затѣмъ годы были очень тяжелыми для киргизъ. Джунгары сильно тѣснили ихъ съ востока.

*) Левшинъ „Описаніе киргизъ-казацкихъ ордъ“ и т. д.

**) Левшинъ, I. с.

***) Левшинъ, I. с.

Они покорили себѣ большую часть Большой орды, а Средняя и Малая—должны были откочевать на сѣверъ и западъ. Малая орда перешла Эмбу, вытѣснила здѣсь Калмыковъ и дошла до Урала. Средняя, прогоняя башкиръ, дошла на сѣверъ до Ори и Уя. Конечно, ни калмыки, ни башкиры не желали уступать занятыхъ ими земель добровольно и постоянно дѣлали набѣги на киргизъ. Кромѣ того киргизы пришли теперь въ непосредственное соприкосновеніе съ уральскими казаками, съ которыми не умѣли жить въ мирѣ также, какъ съ сибирскими казаками на Иртышѣ и Ишимѣ. Все это побуждало киргизъ къ переговорамъ съ русскимъ правительствомъ. Въ 1726 г. нѣсколько старшинствъ предлагали уфимскому воеводѣ принять ихъ въ русское подданство. Однако, масса киргизскаго народа оказалась противъ этого. Въ 1730 г. съ такимъ же предложеніемъ обратился къ уфимскому воеводѣ Бутурлину ханъ Абуль-Хаиръ. Воевода отправилъ его посольство въ Петербургъ къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

Такимъ образомъ 1730 г. считается датой потери киргизами политической самостоятельности и перехода ихъ въ русское подданство. Этой датой мы заканчиваемъ первый періодъ исторіи киргизскаго народа, выступившаго на историческое поприще въ серединѣ XV столѣтія.

Въ періодъ своего самостоятельнаго историческаго существованія киргизы поднялись лишь очень невысоко по лѣстницѣ политическаго и соціальнаго развитія. Ко времени вступленія киргизъ въ русское подданство, у нихъ наблюдалось полное господство патріархальнаго родового строя. Весь народъ дѣлился на три орды: старшую, среднюю и младшую (или большую, среднюю и малую); каждая орда дѣлилась на поколѣнія: старшая на 4, средняя на 4 и младшая на 3. Каждое поколѣніе дѣлилось на роды; въ старшей ордѣ было 18 родовъ; въ средней—37 и въ младшей—25. Роды въ свою очередь дѣлились на отдѣленія и подотдѣленія.

Въ основѣ этого раздѣленія, не имѣющаго ничего общаго съ сословнымъ дѣленіемъ феодальнаго общества или классовымъ—современнаго, лежитъ родовое начало, т.-е. начало кровнаго родства. Члены одного рода, а тѣмъ болѣе одного отдѣленія или подотдѣленія были и сознавали себя кровными

родственниками. Это сказывалось, между прочимъ, и въ строгой экзогаміи, соблюдавшейся киргизами: браки внутри своего рода были строго запрещены. Точно также члены разныхъ родовъ одного поколѣнія считали себя родственниками и въ дѣйствительности большею частью происходили отъ общаго родоначальника. Труднѣе прослѣдить родовое начало въ соединеніи поколѣній въ орды. Здѣсь вѣроятно уже дѣйствіе политическихъ причинъ. Во всякомъ случаѣ былъ возможенъ переходъ поколѣнія изъ одной орды въ другую; такъ поколѣніе Конкратъ или Конратъ перешло изъ средней орды въ старшую. Но и здѣсь ясны слѣды родового начала, напр. въ обычѣ мѣстничества: любой представитель любого рода старшей орды садился выше представителя средней орды, а этотъ послѣдній—выше представителя младшей орды*).

Вся экономическая и социальная жизнь сосредоточивалась въ родѣ: сородичи вмѣстѣ кочевали и пасли свой скотъ, вмѣстѣ устраивали баранты, вмѣстѣ отбивали нападенія враговъ, вмѣстѣ отправляли празднества и обряды, связанные съ кругомъ жизни челоуѣка. Внѣ рода киргизъ былъ безпомощенъ; онъ терялъ свою независимость, и въ лучшемъ случаѣ дѣлался слугою хана—„тѣлѣнгутомъ“.

Родами управляли патріархи—„аксакалы“. „Аксакалы, бій (народные судьи) и батыри (выдающіеся воины)—были настоящими правителями киргизъ“, по-скольку можно говорить о правительствѣ у варваровъ—номадовъ. Непосредственная власть ихъ не распространялась далѣе ихъ рода, но вліяніе наиболѣе выдающихся аксакаловъ, биевъ и батырей выходило далеко за предѣлы рода и сказывалось на дѣлахъ всей орды. Такъ, напримѣръ, ханы для переговоровъ съ русскимъ правительствомъ всегда посылали аксакаловъ и батырей.

Но на ряду съ родовымъ строемъ у киргизскаго народа наблюдались и зачатки феодальныхъ отношеній своеобразнаго азіатскаго характера. Изложивъ родовое дѣленіе киргизъ, Левшинъ говоритъ: „Впрочемъ всѣ сіи раздѣленія относятся къ простому народу; высшій классъ ведетъ особую родословную; а потому всѣ вообще киргизы раздѣляютъ себя на

два разряда: на *бѣлую кость* и *черную кость* (акъ-суэкъ и кара-суэкъ). Къ бѣлой кости принадлежатъ только *ханы* и потомки ихъ, носящіе названіе *султановъ*. Ревностные музульмане относятъ сюда-жа *ходжей*, или потомковъ святыхъ угодниковъ магометанскаго календаря. Черною костью называютъ не только простой народъ, но даже старѣйшинъ и прочихъ начальниковъ, не имѣющихъ наслѣдственного достоинства.

Основываясь на семъ различіи, говорятъ: *вотъ султанъ чистой бѣлой кости*, потому что онъ происходитъ отъ хана, какъ по мужской, такъ и по женской линіи; а *этотъ смѣшанной бѣлой кости*, потому что мать его изъ простаго народа.

Вотъ уже начало аристократіи! Мы не составляемъ особыхъ классовъ ни изъ *теленгутовъ*, или прислужниковъ ханскихъ и султанскихъ, ни изъ *куловъ*, или невольниковъ. Первые принадлежатъ вообще къ простому народу и пользуются одинакими съ нимъ правами. Послѣдніе почитаются товаромъ, или вещью, и не принадлежатъ къ киргизскимъ поколѣніямъ, но состоятъ изъ плѣнныхъ русскихъ, персіянъ, калмыковъ и пр.“.

То же положеніе высказываетъ и Харузинъ: „Въ древнемъ быту киргизовъ (а отчасти и современномъ, преимущественно за Ураломъ) существовало три разряда людей, пользовавшихся уваженіемъ и вліяніемъ среди народа: во-первыхъ—вліятельные по годамъ аксакалы; во вторыхъ вліятельные по знанію народныхъ обычаевъ и умѣнію судить бій; въ-третьихъ вліятельные благодаря храбрости и ловкости въ набѣгахъ и грабежахъ (барантахъ)—батыри. Всѣ они пользовались уваженіемъ и имѣли нерѣдко очень сильное вліяніе на толпу, но характерно для киргизской народности, что ни аксакалы, ни бій, ни даже батырь не могъ сдѣлаться ханомъ—для этого нужно было благородное происхожденіе (отъ бѣлой кости),—только султанъ могъ сдѣлаться ханомъ киргизовъ“.

Левшинъ приводитъ въ своемъ сочиненіи три таблицы родословныхъ хановъ трехъ „отраслей“, составленныя въ 1748 г. переводчикомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Тевкелевымъ, сыгравшимъ большую роль при переходѣ киргизъ въ русское подданство. Но по этимъ таблицамъ старѣйшіе ханы жили въ половинѣ XVI ст. Такимъ образомъ болѣе

*) Н. Гродековъ. „Киргизы и Кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области“

раннее происхождение хановъ не извѣстно. Сами ханы производятъ себя отъ ингиса. Историческихъ доказательствъ, противъ этого мнѣнія или за него не имѣется. Весьма вѣроятно, однако, что именно этотъ великій завоеватель поставилъ надъ киргизскими племенами первыхъ хановъ для предводительства ими въ своихъ нашествіяхъ. Неизвѣстно также, были-ли первые ханы изъ казаковъ; несомнѣнно только, что въ послѣдствіи они стояли, точно такъ же, какъ и ходжи, внѣ киргизскихъ родовъ.

Ходжи *) ведутъ свое происхождение отъ потомковъ Магомета; они, слѣдовательно, составляли особое благородное сословіе какъ-бы наслѣдственныхъ святыхъ.

Такимъ образомъ въ социальномъ строѣ киргизъ, какъ онъ сложился въ XV—XVIII столѣтіяхъ, наблюдается два противоположныхъ начала: патріархально-родовое и феодальное. Послѣднее, однако, проявлялось только въ первичныхъ формахъ. Существовало два благородныхъ, привилегированныхъ сословія, но власть ихъ надъ народомъ была ограничена вліяніемъ аксакаловъ, біевъ и батырей черной кости. Мало того ханъ *избирался* этими родоначальниками на большомъ собраніи народа, на которомъ могъ присутствовать каждый членъ рода, если онъ былъ вооруженъ. И только когда народъ поднималъ на кошмѣ избраннаго султана, онъ считался возведеннымъ въ ханское достоинство **). Народное собраніе вообще рѣшало всѣ дѣла, какъ малые, такъ, и большія, а разъ въ годъ осенью устраивался съѣздъ, или, какъ его называетъ Левшинъ, сеймъ хановъ, султановъ, аксакаловъ, біевъ и батырей. На этихъ съѣздахъ голосъ хана далеко не былъ рѣшающимъ. „Какъ бы ни была бѣла кость ханскаго потомка—говоритъ Левшинъ—но если онъ умомъ, богатствомъ или другими качествами не составилъ себѣ значительнаго числа приверженцевъ, то голосъ его не дѣлаетъ перевѣса въ собраніяхъ народныхъ“.

Правда у хановъ и султановъ были непосредственно под-

*) Ходжей, или кожей, не слѣдуетъ смѣшивать съ хаджами. Хаджей называется каждый мусулманинъ, побывавшій въ Меккѣ.

**) Левшинъ „Киргизъ-казацкія орды“ и п^с.

чиненные имъ люди, но это были рабы и телѣнгуты. Послѣдніе были почему-либо отбившіеся отъ своего рода киргизы, которые служили хану скорѣе какъ вооруженная дворня, чѣмъ какъ настоящіе крѣпостные. Загряжскій опредѣляетъ теленгутовъ слѣдующимъ образомъ: „То, что у манапъ (дворянъ) у кара-киргизовъ, у которыхъ султановъ нѣтъ,—джигитъ, то въ отношеніи султана—теленгутъ“ *). Джигитъ, какъ извѣстно, значитъ наѣздникъ, конный воинъ. Въ этомъ опредѣленіи теленгутовъ сходятся и другіе авторы: Харузинъ, Мейеръ и т. д. Такимъ образомъ и теленгуты, и рабы стояли внѣ массы народа.

Самыя условія жизни и хозяйства киргизъ, въ противоположность средневѣковымъ условіямъ Европы, не благоприятствовали борьбѣ феодализма съ родовымъ строемъ, только побѣдивъ который феодализмъ могъ-бы развиваться. Какъ прикрѣпить къ мѣсту кочевника-скотовода, который свободно бродитъ по необозримымъ, пустыннымъ степямъ? А безъ такого прикрѣпленія невозможна сколько-нибудь прочная власть надъ нимъ. Въ случаѣ попытки хана къ принужденію или насилію, киргизъ вмѣстѣ со своими сородичами просто уходилъ отъ него въ другое мѣсто степи. Ханъ оказывался нужнымъ, а потому вліятельнымъ и властнымъ, только въ случаяхъ крупныхъ военныхъ предпріятій, оборонительнаго ли характера противъ сильнаго врага или наступательнаго, когда являлась надежда захватить крупную добычу. Тогда ханъ объединялъ подъ своей властью массы народа. Въ остальное время онъ жилъ, окруженный рабами и теленгутами, и пасъ свои стада, какъ и всякій другой богатый и почтенный киргизъ.

Глава 2. Второй періодъ. 1730—1822 г.г.

На развитіе социальныхъ отношеній среди киргизскаго народа, съ переходомъ его въ русское подданство, стали дѣйствовать новыя вліянія, уже внѣшняго характера.

*) Загряжскій — „Юридическіе обычаи киргизовъ“ Туркест. ежегодникъ 1876 г.

Посольство хана Малой орды Абуль-Хаира (1730 г.) было принято въ Петербургѣ милостиво. Обратнo оно выѣхало съ грамотой императрицы Анны и въ сопровожденіи русскаго посольства, въ составъ котораго входили переводчикъ Иностранной Коллегіи Мурза Тевкелевъ, нѣсколько Уфимскихъ дворянъ, „вѣрнѣйшихъ башкировъ“, русскихъ казаковъ и двухъ офицеровъ—„геодезистовъ“ для съѣмки мѣстности. Но русскихъ пословъ, по прибытіи ихъ къ новымъ подданнымъ Россіи, ждало жестокое разочарованіе. Народъ встрѣтилъ ихъ крайне враждебно; опасность грозила самой жизни ихъ, точно также какъ жизни хана Абуль-Хаира*). Последнее показываетъ, на сколько, въ дѣйствительности, слаба была власть киргизскихъ хановъ.

Оказалось, по свидѣтельству Тевкелева, что Абуль-Хаиръ послалъ свое изъявленіе покорности безъ согласія народа, а исключительно изъ видовъ болѣе успѣшной борьбы съ другимъ ханомъ Малой орды, Каипомъ. У Абуль-Хаира русскіе послы прожили въ положеніи плѣнныхъ около двухъ лѣтъ, и за это время, благодаря азіатской дипломатіи Тевкелева и подкупу наиболѣе вліятельныхъ аксакаловъ, имъ удалось склонить Абуль-Хаира и народъ Малой орды присягнуть Россіи на вѣрность. То же сдѣлалъ и ханъ средней орды Шемяка (Семякѣ), что, однако, не помѣшало ему непосредственно вслѣдъ за этимъ напасть на владѣнія Россіи.

Въ 1732 г. русскіе послы были отпущены, наконецъ, въ Петербургъ, но Тевкелевъ было оставленъ при ханѣ Абуль-Хаирѣ и кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ на устьѣ Сыра, гдѣ Россіи присягнули кара-калпаки. Въ Петербургѣ разсказъ пословъ объ оказанномъ имъ приѣмѣ вызвалъ самое безнадежное отношеніе къ вопросу о приѣмѣ киргизъ въ русское подданство. Тевкелева же считали погибшимъ. Какъ вдругъ, въ 1733 г., въ Уфѣ появился Тевкелевъ вмѣстѣ съ новымъ посольствомъ, въ составъ котораго входили султаны: Эрали, сынъ Абуль-Хаира, и Ніазъ, братъ его, и нѣсколько аксакаловъ, въ томъ числѣ два отъ Большой орды. Въ Петербургъ это посольство прибыло въ 1734 г. Здѣсь оно было оставлено,

*) См. Левшинъ, I. с.

а двухъ киргизъ изъ состава его отправили къ Абуль-Хаиру съ грамотой, въ которой были изложены условія подданства, именно: 1) охранять русскія границы; 2) охранять русскіе торговые караваны; 3) содѣйствовать русскимъ войскамъ въ борьбѣ съ другими кочевниками; 4) платить ясакъ „кожами звѣриными“. Ханъ принялъ эти условія. Но, говоритъ Левшинъ, „ни одного изъ сихъ обязательствъ не могъ онъ исполнить на дѣлѣ: ибо не имѣлъ довольно власти надъ народомъ своимъ, подобно всѣмъ послѣдовавшимъ ему ханамъ“.

Вмѣсто того Абуль-Хаиръ просилъ: 1) утвердить ханское достоинство въ его родѣ на вѣчныя времена и 2) построить при впаденіи р. Ори въ Уралъ укрѣпленный городъ, гдѣ-бы онъ могъ находить убѣжище отъ своихъ враговъ. Эта просьба послужила поводомъ для снаряженія цѣлой экспедиціи въ киргизскія степи. Во главѣ ея былъ поставленъ Кирилловъ, изучавшій киргизъ и переднюю Азію еще при Петрѣ I, которому осуществить свои планы сношеній съ киргизами помѣшала только смерть. Въ составъ экспедиціи вошли: „нѣсколько инженеровъ, геодезистовъ, три морскихъ офицера съ матросами и мастеровыми; изъ Москвы чиновники горные, артиллерійскіе, исторіографъ, ботаникъ, аптекарь, живописецъ, лекаръ, студенты греко-латинской школы и множество другихъ чиновниковъ разнаго званія и для разныхъ упражненій“. Въ Казани къ экспедиціи присоединился „цѣлый полкъ и достаточное количество артиллеріи“, въ Уфѣ—„одинъ баталіонъ пѣхоты, нужное число казаковъ и разные другіе военные отряды, какъ регулярные, такъ и не регулярные“.

Данная Кириллову весьма обширная инструкція показываетъ, что въ то время правительство еще весьма мало представляло себѣ истинное положеніе вещей въ киргизской степи. Кирилловъ долженъ былъ исполнить цѣлый рядъ политическихъ, дипломатическихъ и научныхъ задачъ; долженъ былъ, между прочимъ, построить на устьѣ Ори городъ и заселить его, разослать ханамъ императорскія грамоты, пригласить ихъ къ себѣ въ городъ, для принесенія присяги въ вѣрности Россіи, и затѣмъ держать ихъ въ повиновеніи, „смотря по обстоятельствамъ, милостью и подарками или строгостью и страхомъ“; въ качествѣ дипломатической мѣры рекомендо-

валось пользоваться вѣчной междуусобицей кочевниковъ и, въ случаѣ непокорности одного изъ ихъ племенъ, направлять противъ него—другія; на Аральскомъ морѣ должна была быть построена флотилія и вооружена пушками; должны были быть произведены ботаническія, геологическія и топографическія изслѣдованія.

Однако, на дѣлѣ условія въ степи были таковы, что, по словамъ Левшина, „вмѣсто всѣхъ таковыхъ политическихъ дѣйствій и занятій дѣлами киргизскими, Кирилловъ, по приѣздѣ своемъ на границу, ни о чемъ болѣе не могъ заботиться, какъ объ усмиреніи башкировъ“.

Въ 1735 г. онъ основалъ при устьѣ Ори городъ Оренбургъ, который въ 1748 г. былъ переименованъ въ Орскую крѣпость, а Оренбургъ перенесенъ на теперь занимаемое имъ мѣсто. Этимъ было положено начало новой укрѣпленной линіи — Оренбургской. Но до самой смерти своей (1737 г.) Кирилловъ занятъ былъ, вмѣстѣ съ ген.-лейт. Румянцовымъ, борьбой съ башкирами и калмыками; такъ онъ и не успѣлъ повидаться съ киргизскими ханами.

Свиданія этого добились преемники Кириллова, Татищевъ, кн. Урусовъ, и др., и съ этихъ поръ Оренбургъ дѣлается центромъ сношеній Россіи съ киргизами, какъ политическихъ, такъ и торговыхъ. Исторія этихъ сношеній такъ проста и однообразна, что нѣтъ надобности въ дальнѣйшемъ детальномъ ея изложеніи. Достаточно намѣтить ея основныя черты и важнѣйшіе моменты.

Время отъ времени ханы и султаны, въ сопровожденіи аксакаловъ и батырей, являлись въ Оренбургъ, торжественно приносили здѣсь присягу на вѣрность Россіи, давали обѣщанія не грабить ея предѣловъ, защищать ея торговые караваны и т. п., и затѣмъ, получивъ угощеніе и подарки, возвращались въ степь. А степь продолжала жить своею жизнью, не считаясь совершенно съ дипломатическими дѣйствіями своихъ хановъ. Набѣги и баранты кочевниковъ другъ на друга и на русскія поселенія составляютъ, какъ и прежде, все содержаніе киргизской исторіи со времени официальнаго принятія киргизами русскаго подданства вплоть до половины прошлаго столѣтія. И видя теперешняго мирнаго киргиза,

трудно представить себѣ, что это потомокъ столь воинственныхъ и беспокойныхъ когда-то предковъ.

Киргизы—русскіе подданные, также свободно, какъ и не признававшіе этого подданства, нападали на башкиръ, калмыковъ, находившихся въ подданствѣ Россіи, и на самихъ русскихъ; убивали или брали въ плѣнъ и обращали въ рабство людей, угоняли скотъ, грабили остальное имущество. Башкиры и калмыки, въ свою очередь, не оставались въ долгу у киргизъ и платили имъ тѣмъ же. Такимъ образомъ Оренбургская и Уральская области до сравнительно недавняго времени были ареной постоянныхъ набѣговъ и грабежей.

Нельзя сказать, чтобы въ этихъ предпріятіяхъ, направленныхъ противъ русскихъ подданныхъ, участвовалъ только простой народъ (черная кость), предводительствуемый своими аксакалами и батырями, ханы же и султаны оставались въ сторонѣ, въ качествѣ зрителей, слишкомъ слабыхъ властью, чтобы остановить нарушеніе договоровъ. Напротивъ, во многихъ случаяхъ они открыто становились во главѣ шаекъ, нападавшихъ на предѣлы Россіи; въ другихъ случаяхъ они организовали ихъ тайно. Политика Россіи, состоявшая въ направленіи одного, покорнаго въ данный моментъ, народа на другой, бунтующій — при крайнемъ непостоянствѣ башкиръ, калмыковъ, а тѣмъ болѣе киргизъ, — содѣйствовала только поддержанію этого состоянія войны всѣхъ противъ всѣхъ. И если ханы и султаны время отъ времени являлись къ представителямъ русскаго правительства въ Оренбургѣ, приносили повинную и присягали на вѣрность Россіи, то побудительными мотивами тутъ были, съ одной стороны, надежда, путемъ пріобрѣтенія покровителя въ лицѣ сильнаго государства, взять верхъ надъ своими конкурентами, — другими ханами и султанами, съ другой же, — желаніе получить подарки. Впослѣдствіи, когда русскіе укрѣпились въ пограничныхъ съ киргизами линіяхъ, къ этимъ мотивамъ, несомнѣнно, присоединился также и страхъ наказанія.

Въ болѣе тѣсныя и постоянныя сношенія съ русскими властями вступили прежде всего ханы Малой Орды, кочевавшей въ областяхъ, ближайшихъ къ Оренбургу. Ханы Средней Орды, кочевавшей въ областяхъ, болѣе удаленныхъ отъ русскихъ

пограничныхъ центровъ и въ непосредственномъ сосѣдствѣ со столь страшными и сильными тогда джунгарами, менѣе чувствовали необходимость въ сношеніяхъ съ русскими. И хотя ханъ Средней орды Абуль-Магометъ съ султаномъ Аблаемъ и съ „многими родоначальниками, старѣйшинами и простымъ народомъ“, въ 1740 г., явился въ Оренбургъ къ кн. Урусову и присягнулъ Россіи, это не помѣшало ему въ слѣдующемъ году присягнуть джунгарскому хану, который напалъ на киргизъ и побѣдоносно дошелъ до самаго Оренбурга, не признавая, очевидно, киргизъ русскими подданными. Тѣмъ не менѣе въ 1742 г. ханы и Малой и Средней Орды присягнули императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Но прочной ихъ вассальная (поскольку можно употребить здѣсь этотъ терминъ) зависимость отъ Россіи установилась только послѣ того, какъ джунгары были покорены Китаемъ (1756 г.).

Большая орда дольше сохранила свою независимость отъ Россіи. Хотя въ посольствѣ Абуль-хаира къ императрицѣ Аннѣ было два аксакала Большой орды, но они не имѣли полномочій ни отъ своего хана, ни отъ народа. Точно также не имѣли реального значенія переговоры о переходѣ въ русское подданство хана Большой орды Юлбарса, и грамота, посланная ему, какъ и въ первомъ случаѣ, осталась лежать въ Оренбургской Пограничной Коммиссіи. Въ это время значительная часть киргизъ Большой орды была покорена джунгарами; когда же джунгары были покорены китайцами, она оказалась въ подданствѣ у Китая; другая, кочевавшая около Ташкента, осталась самостоятельной. Около 4000 кибитокъ этой части, въ составъ которыхъ входили также и киргизы Средней орды, вмѣстѣ съ султаномъ Чурыгеемъ, въ 1789 г. перешли въ подданство Россіи, и, по указу императрицы Екатерины II, имъ были отведены земли близъ крѣпости Устькаменогорской. Въ 1793 г. такъ же перешелъ въ „вѣчное и полное подданство Россіи“ султанъ Большой орды Тугумъ съ частью народа. Наконецъ, въ 1819 г. „нѣсколько тысячъ кибитокъ, кочующихъ на урочищѣ Семь Рѣкъ и около рѣкъ Кукъ-су и Кара-талъ, не въ большомъ разстояніи отъ вла-

дѣній китайскихъ, подъ предводительствомъ султана Сюка (сына хана Аблая), признали надъ собой власть Россіи“ *).

Такимъ образомъ къ 20-мъ годамъ прошлаго столѣтія часть киргизъ Большой орды была въ подданствѣ Китая, другая—въ подданствѣ Коканскаго хана, который завоевалъ въ 1814 г. Ташкентъ; третья, въ средне-азиатскихъ степяхъ, оставалась независимой, и, наконецъ, четвертая принята въ русское подданство. Послѣдняя часть Большой орды кочевала въ предѣлахъ теперешнихъ Семипалатинской и Семирѣченской областей; Средняя орда занимала земли теперешней Акмолинской области и Малая—земли Уральской и Тургайской областей. Часть Малой орды, подъ предводительствомъ султана Букея, съ разрѣшенія императора Павла, въ 1801 г. перешла на правый берегъ Урала, въ предѣлы теперешней Астраханской губ. Кочевавшіе здѣсь калмыки частью (15.000 кибитокъ) ушли въ джунгарскую провинцію Китая, частью къ берегамъ Каспійскаго моря. Астраханскіе же киргизы, послѣ того, какъ Букей былъ возведенъ (1812 г.) въ ханское достоинство, образовали Букеевскую или Внутреннюю орду.

Только къ 20-мъ годамъ XIX столѣтія, когда башкиры и калмыки были въ значительной мѣрѣ замирены, а киргизы съ трехъ сторонъ (съ запада, сѣвера и сѣверо-востока) охвачены линіями русскихъ укрѣпленій и поселеній, зависимость киргизъ отъ русскаго Правительства пріобрѣтаетъ реальный характеръ. До тѣхъ же поръ всѣ мѣропріятія Правительства направленные къ тому, чтобы оказывать вліяніе на управленіе киргизами, по свидѣтельству Левшина, оставались тщетными: учрежденный при Оренбургскомъ губернаторѣ Ханскій Совѣтъ ни разу не собирався; точно также бездѣйствовали Родовыя Расправы и Пограничные Суды, долженствовавшіе внести порядокъ въ управленіе массами народа и въ народный судъ; школы и мечети, устроенныя русскимъ правительствомъ, не посѣщались киргизами; пустовали и разваливались дома, построенные для зимовокъ хановъ около русскихъ пограничныхъ городовъ.

*) См. Левшинъ, I с.

Причину этих неудач мѣропріятій русскаго Правительства Левшинъ видитъ въ призрачности власти хановъ надъ народомъ. „Преданные Россіи киргизъ-казаки—говоритъ онъ—избираютъ ихъ (хановъ), а правительство руссійское утверждаетъ и почитаетъ повелителями обѣихъ ордъ (Средней и Малой); но повинуются имъ только роды, участвовавшіе въ избраніи ихъ и кочующіе вблизи нашихъ границъ, и то не всѣ. Прочіе, не признавая ни владычества Россіи, ни властей, ею поставленныхъ, управляютъ самопроизвольно избранными старѣйшинами (аксакалами), біями, батырями и султанами. Нѣкоторымъ изъ сихъ послѣднихъ они также даютъ титулъ хановъ. Впрочемъ и сіи правители, равно какъ начальники Россійскимъ Правительствомъ утвержденные, не цѣлыми, безъ исключенія, поколѣніями, родами или отдѣленіями повелѣваютъ, но толпами или партіями, часто составляющимися изъ киргизовъ разныхъ родовъ, разныхъ поколѣній, иногда даже разныхъ ордъ. Большая же часть султановъ, при границахъ Россіи кочующихъ и величающихъ себя пышными названіями повелителей, въ самомъ существѣ не имѣютъ никакой власти и отправляютъ должности стряпчихъ. Вліяніе ихъ на дѣла простого народа начинается осенью и оканчивается съ началомъ весны, т.-е. оно существуетъ только зимою, когда киргизы приближаются къ границамъ нашимъ и сталкиваются съ пограничными русскими властями.

Хитрѣйшіе изъ таковыхъ султановъ успѣваютъ вмѣстѣ и обогащаться, и давать поступкамъ своимъ видъ усердія къ общей пользѣ или преданности Россіи, за которую получаютъ отъ Правительства нашего похвальные листы и подарки“.

Приведенной цитатой какъ нельзя ярче характеризуется политическій и соціальныи бытъ киргизскаго народа въ первые 90 лѣтъ его подданства Россіи (1730—1822), которая мы фиксируемъ какъ второй періодъ киргизской исторіи. Никакой существенной перемѣны въ этотъ періодъ, по сравненію съ первымъ, мы не находимъ. Киргизы остались такими же дикими и воинственными кочевниками, какъ и были, и не стѣснялись грабить подданныхъ своихъ сюзереновъ. Попрежнему господствовалъ патріархально-родовой строй, и

феодализмъ—въ видѣ власти ханскихъ родовъ—не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ въ своемъ развитіи. Наоборотъ, сношенія хановъ и султановъ съ русскимъ Правительствомъ и нѣкоторая зависимость ихъ отъ него, быть можетъ, удалила отъ нихъ народную массу.

Глава 3. Третій періодъ. 1822—1891 г.г. Выводы.

Въ первый періодъ русскаго господства надъ киргизами правительству приходилось усиленно охранять свои границы и торговые караваны отъ своихъ новыхъ подданныхъ. Естественно, поэтому, его стремленіе подчинить киргизскую массу своему непосредственному управленію. Сперва оно пыталось сдѣлать это посредствомъ тѣхъ хановъ и султановъ, которые проявляли особую покорность и которыхъ правительство особенно отличало и одаривало. Но скоро опытъ убѣдилъ, что, во-первыхъ, власть этихъ хановъ и султановъ, надъ народомъ ничтожна; во-вторыхъ, сами они достаточно азіатски-хитры и вѣроломны, чтобы употреблять покровительство русскаго правительства только для своего личнаго обогащенія и для борьбы съ другими ханами и султанами. Въ силу этого возникла мысль объ уничтоженіи ханской власти и объ управленіи киргизами на общихъ основаніяхъ съ остальными частями имперіи.

По свидѣтельству Левшина, такая мысль существовала уже въ царствованіе Императрицы Екатерины II, но осуществленіе свое, хотя и не полное, она получила съ введеніемъ въ 1822 г. въ дѣйствіе „Устава о Сибирскихъ киргизахъ“, составленнаго гр. Сперанскимъ. Уставъ этотъ содержалъ въ себѣ слѣдующіе наиболѣе существенные пункты. Наиболѣе мелкимъ административнымъ дѣленіемъ является аулъ, состоящій изъ 50—70 кибитокъ; 10—12 ауловъ составляютъ волость, 15—20 волостей—округъ. Ауломъ управляетъ старшина, избираемый на 3 года аульнымъ сходомъ и утверждаемый Областнымъ Начальникомъ, по представленію Окружнаго Приказа. Во главѣ волости стоитъ султанъ, округомъ управляетъ Окружный Приказъ, состоящій изъ двухъ выборныхъ засѣдателей киргизъ и двухъ назначенныхъ русскихъ, подѣ

предсѣдательствомъ Старшаго Султана. Судъ остается въ рукахъ биевъ. Аульный старшина, бии и засѣдатели (послѣдніе избирались биями и старшинами) были изъ простого народа („черной кости“), султаны были изъ ханскихъ родовъ („бѣлой кости“), — § 30 Устава гласитъ: „Званіе султановъ есть наследственное“. Но положеніе это, если не уничтожается, то значительно ослабляется слѣдующимъ параграфомъ (§ 31): „Право ихъ на управленіе волостями должно переходить только по одной прямой нисходящей линіи и по первородству; но и въ семъ случаѣ, *сообразно съ нынѣшними обычаями, должно предварительно истребовать согласіе общества, которое можетъ избрать и другого султана, но не вверять ему власти безъ утвержденія Областного Правленія*“. Старшій же султанъ избирался волостными султанами и, какъ и всѣ остальные должностныя лица киргизъ, утверждался Областнымъ Начальникомъ на 3 года. Старшій султанъ по должности имѣлъ чинъ майора и послѣ трехъ трехлѣтій службы пріобрѣталъ право на полученіе диплома на дворянство. Засѣдатели имѣли должность 9-го класса. Волостные султаны приравнялись волостнымъ главамъ, бии — сельскимъ главамъ, а аульные старшины — сельскимъ старостамъ. Уставъ предоставляетъ киргизамъ пятилѣтнюю податную льготу. Затѣмъ они должны платить ясакъ по 1 головѣ съ каждаго 100 штукъ скота, исключая верблюдовъ.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, „Уставъ о сибирскихъ киргизахъ“ гр. Сперанскаго заключалъ въ себѣ крупное противорѣчіе: съ одной стороны онъ сохранялъ за „бѣлой костью“, султанами, наследственные права правящаго сословія, съ другой — уничтожалъ власть хановъ и взамѣнъ ея вводилъ управленіе административныхъ лицъ, выбранныхъ „черною костью“, простымъ народомъ, и подчиненныхъ русскимъ властямъ; мало того, Уставъ накладывалъ руку и на родовой строй киргизъ, замѣняя родовыя дѣленія чисто механическимъ, — на аулы, волости, округа. Это противорѣчіе отразило въ себѣ не только государственно-правовыя воззрѣнія, господствовавшія въ то время въ Россіи, но также и существовавшія противорѣчія въ стихійно развившемся въ предшествовавшія эпохи социальномъ строѣ киргизскаго народа.

Какъ бы тамъ ни было, но введеніе въ дѣйствіе „Устава о сибирскихъ киргизахъ“ знаменуетъ собой крупный поворотный пунктъ въ исторіи киргизскаго народа. Имъ начинается третій ея періодъ, окончаніе котораго слѣдуетъ приурочить къ введенію нынѣ дѣйствующаго „Степного Положенія“ (1891 г.). Періодъ этотъ характеризуется, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, постепеннымъ уничтоженіемъ въ системѣ управленія киргизами слѣдовъ ихъ сословнаго и родового строя и уравниемъ всей массы киргизскаго народа, независимо отъ дѣленія его на „черную“ и „бѣлую кость“, въ правахъ и обязанностяхъ со всѣмъ сельскимъ населеніемъ Россійской Имперіи. Событія этого періода столь еще близки къ настоящему времени, что нѣтъ надобности останавливаться на нихъ подробно.

„Уставъ о сибирскихъ киргизахъ“ былъ сперва примѣненъ только къ пограничнымъ округамъ Западной Сибири, но затѣмъ постепенно дѣйствіе его распространялось все далѣе и далѣе на югъ. Въ 1847 г. былъ открытъ въ Семирѣчьи *Копальскій* округъ, а въ 1854 г. *Алатавскій*. Къ этому времени въ Западной Сибири было уже двѣ киргизскихъ области съ обще-губернскимъ управленіемъ: *Область сибирскихъ киргизовъ* и *Семипалатинская* *).

Иначе дѣло обстояло въ Оренбургскихъ степяхъ. Тамъ, въ сущности, продолжала дѣйствовать старая система Пограничнаго Управленія, т.-е. управленія черезъ хановъ и султановъ. Здѣсь, несмотря на уничтоженіе въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія ханской власти **), управленіе киргизскимъ народомъ не стояло подъ непосредственнымъ контролемъ русскаго правительства. Надъ Родовыми Расправами и затѣмъ частями орды стояли султаны, утверждаемые русскими властями, но фактически вліяніе ихъ было очень узко и простиралось только на киргизъ, кочующихъ близъ русской гра-

*) См. Историческій очеркъ управленія киргизами въ „Степномъ Положеніи“, изд. М. В. Д., 1891 г.

**) Во Внутренней или Букеевской ордѣ ханская власть была упразднена въ 1849 г. со смертью хана Сахиябъ-Гирея, который воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, получилъ титулъ князя и былъ переименованъ въ Чингиса.

ницы. Между тѣмъ, именно въ этой части степи до сихъ поръ сохранилось кочеваніе на громадномъ пространствѣ, — отъ рѣки Уя и до Каспійскаго моря и р. Сыръ-Дарьи *). Поэтому, киргизы нынѣшней Тургайской и Сыръ-Дарьинской областей фактически оставались почти независимыми до середины прошлаго столѣтія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не наступало и окончательное замиреніе киргизскаго народа. Этому въ значительной мѣрѣ мѣшало то обстоятельство, что непокорные киргизы находили себѣ убѣжище и покровительство въ средне-азіатскихъ ханствахъ, — Коканѣ, Самаркандѣ, Хивѣ и Бухарѣ, принадлежавшихъ родственнымъ имъ узбекамъ и таджикамъ и служившихъ также ареной кочеваній нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ. Въ первой половинѣ XIX ст. баранты киргизъ все еще были не рѣдки. Какъ на болѣе крупныя проявленія непокорности киргизъ достаточно указать здѣсь на извѣстный бунтъ султана Кенисары Касимова (1840 г.), всколыхнувшій всю степь, и на враждебныя дѣйствія киргизъ противъ отряда ген. Перовскаго во время неудачной Хивинской экспедиціи 1839 — 1840 гг.

Чтобы обезопасить Оренбургскую степь отъ нападений съ юга, въ 1845—1853 г. была построена Сыръ-Дарьинская линія укрѣпленій: Уральское (нынѣ Иргизъ), Оренбургское (нынѣ Тургай), фортъ Перовскій (на мѣстѣ взятой этимъ генераломъ Акмечети), фортъ № 2 и Казалинскъ. Учрежденіе этой линіи поставило Россію въ непосредственное сосѣдство съ средне-азіатскими ханствами и вызвало ихъ нападенія на русскіе предѣлы. Однако дѣйствія противъ этихъ ханствъ были начаты только послѣ окончанія восточной войны 1853—1856 гг. Въ періодъ съ 1864 по 1868 гг. Россіей были взяты: Аулиеатъ, Чимкентъ, Ташкентъ, Туркестанъ, Ходжентъ, Самаркандъ, Бухара. Этимъ были покорены Самаркандское и Коканское ханства, а Бухарское поставлено въ вассальную зависимость. Въ 1873 г. была покорена Ферганская область, а въ 1876 взята Хива и также приведена въ вассальную зависимость. Наконецъ, Петербургскимъ до-

*) См. „Матеріалы по киргизскому землепользованію“, собранныя экспедиціей Щербины, т. V, Кустанайскій уѣздъ.

говоромъ 1881 г. были опредѣлены владѣнія Россіи, пограничныя съ Китаемъ.

Вмѣстѣ съ новыми территоріальными приобрѣтеніями, было введено и новое административное раздѣленіе Степныхъ областей Сибири и Средней Азіи. Въ 1865 г. была образована Туркестанская область, подчиненная Оренбургскому Генераль-Губернатору. Въ 1868 г. было образовано Туркестанское Генераль-Губернаторство, въ составъ котораго вошли Семирѣченская и Сыръ-Дарьинская области. Въ 1868 г. образованы области Семипалатинская, Акмолинская, Уральская и Тургайская. Въ 1882 г. учреждено Степное Генераль-Губернаторство изъ областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской.

Такимъ образомъ, съ завоеваніемъ Средне-Азіатскихъ ханствъ, киргизскій народъ почти въ полномъ своемъ составѣ оказался во владѣніяхъ Россіи, раздѣленныхъ на генераль-губернаторства и области съ прочной военной и гражданской властью. Только незначительная часть киргизъ осталась въ подданствѣ Китая. Эти новыя политическія условія отняли у киргизъ возможность попрежнему устраивать баранты и набѣги и превратили ихъ, волей-неволей, въ мирныхъ скотоводовъ и земледѣльцевъ. Такъ завершилось замиреніе киргизъ, а мѣропріятія русскаго правительства въ области управленія ими поставили предѣлъ и самостоятельному развитію ихъ внутреннихъ соціально-политическихъ отношеній.

Въ 1865 г. была командирована въ Сибирь особая коммиссія для составленія проекта общаго управленія киргизами. Она проработала два года и, на основаніи ея трудовъ, въ 1867 г. былъ составленъ проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, а въ 1868 г. — проектъ устройства управленія въ областяхъ Западно-Сибирскаго и Оренбургскаго вѣдомствъ. Проектъ этотъ, въ видѣ опыта, былъ введенъ въ дѣйствіе 1-го января 1869 г. и оставался въ силѣ до 1891 г. когда были Высочайше утверждены нынѣ дѣйствующее Степное Положеніе и измѣненія нѣкоторыхъ статей положенія объ управленіи Туркестанскаго края. Оба Положенія — и Степное и объ управленіи Туркестанскимъ

краемъ — въ той части, которая касается инородцевъ, почти совпадаютъ. Мы приведемъ здѣсь изъ нихъ лишь наиболѣе существенныя постановленія.

По ст. 11 Степного Положенія „Инородцы областей, кочевые и осѣдлые, пользуются правами сельскихъ обывателей. Права и преимущества, присвоенныя другимъ состояніямъ Имперіи, инородцы пріобрѣтаютъ на основаніи общихъ законовъ“.

Кочевое населеніе разбивается на аульныя общества и волости, составъ которыхъ опредѣляется Областнымъ Правленіемъ, по возможности такъ, чтобы въ аулѣ было не болѣе 200 кибитковладѣльцевъ, „имѣющихъ совмѣстное поземельное пользованіе“, а въ волости не болѣе 2.000 кибитокъ, принадлежащихъ къ ауламъ, „сосѣдственнымъ по расположенію зимовыхъ стойбищъ“ (ст. 55—58).

Ауломъ управляетъ выборный старшина, волостью — выборный управитель. Мѣстный судъ остается въ рукахъ выборныхъ биевъ.

„Въ должности волостного управителя и аульнаго старшины можетъ быть избранъ каждый кибитковладѣлецъ волостного или аульнаго общества, по принадлежности, не подвергавшійся по суду взысканіямъ, превышающимъ семидневный арестъ или денежное взысканіе въ тридцать рублей, не находящійся подъ слѣдствіемъ и судомъ и имѣющій отъ роду не менѣе двадцати пяти лѣтъ“ (ст. 64).

Права и обязанности аульнаго старшины и волостного управителя соотвѣтствуютъ таковымъ сельскаго старосты и волостного старшины.

Инородческія должностныя лица утверждаются уѣздной и областной администраціей и непосредственно подчинены уѣздному начальнику (исправникъ) и, впослѣдствіи, (1898 г.), также крестьянскимъ (земскимъ) начальникамъ. Вводится покибиточная подать. Земли, занятыя киргизами, объявляются собственностью государства (ст. 119), съ правомъ послѣдняго отчуждать ихъ по мѣрѣ надобности.

Такимъ образомъ Степное Положеніе окончательно уничтожаетъ привиллегіи султановъ, какъ наслѣдственно-правлящаго сословія, и всѣхъ киргизъ и бѣлой и черной кости

уравниваетъ въ положеніи одного сословія сельскихъ обывателей, сохранивъ за ними, какъ и въ прочихъ сельскихъ мѣстностяхъ Имперіи, выборныя управленія и судъ. Не признаетъ положеніе и родового строя киргизъ, замѣнивъ его чисто территоріальнымъ дѣленіемъ на аульныя общества и волости.

Датой введенія Степного Положенія мы заканчиваемъ изложеніе исторіи киргизскаго народа, ибо далѣе нѣтъ уже исторіи киргизскаго народа, а есть исторія жизни сельскихъ обывателей-инородцевъ Степныхъ Сибирскихъ и Средне-азиатскихъ областей.

Выводы нашего историческаго обзора можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Въ періодъ самостоятельнаго политическаго существованія киргизскаго народа (1456—1730) у него господствовалъ патріархально-родовой строй, свойственный всѣмъ кочевникамъ на извѣстной стадіи культурнаго развитія. Феодальный строй проявлялся лишь въ зачаточной формѣ, въ видѣ существованія наслѣдственнаго правящаго сословія султановъ съ весьма, впрочемъ, слабой властью.

2. Въ первый періодъ русскаго подданства и второй періодъ киргизской исторіи (1730—1822) социальный строй киргизскаго народа не подвергся сколько-нибудь замѣтному воздѣйствію со стороны политики русскаго правительства. Это находится въ прямой связи съ тѣмъ, что зависимость киргизъ отъ Россіи въ этотъ періодъ была весьма слабая, скорѣе вассальнаго характера.

3. Принятіе киргизами русскаго подданства можно назвать добровольнымъ лишь весьма условно. Только послѣ укрѣпленія русскихъ въ степи и цѣлаго ряда завоеваній власть Россіи надъ киргизами становится реальной.

4. Третій періодъ исторіи киргизъ (1822—1891) знаменуется переходомъ русскаго Правительства отъ системы утвержденія хановъ, сохранившихъ свою, правда весьма слабую, власть надъ народомъ, къ системѣ непосредственнаго имъ управленія на общихъ основаніяхъ съ остальными сельскими обывателями, при чемъ уничтожается не только ханская власть, но и всѣ привилегіи сословія султа-

новъ, и бѣлая и черная кость уравниваются въ правахъ и обязанностяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ вводится территориальное дѣленіе киргизскаго народа на уѣзды, волости и аулы, но считающееся съ ихъ родовымъ строемъ.

Современный экономическій строй киргизскаго народа.

Глава 1. Характеристика киргизскаго хозяйства и экономическая группировка киргизъ.

Степное Положеніе, положившее конецъ самостоятельному развитію соціального строя киргизъ, фактически было введено, въ видѣ временной мѣры, еще въ 1869 г., и за прошедшія съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ дѣйствіе его сказалось, конечно, въ полной силѣ. Въ одномъ направленіи съ нимъ и, быть можетъ, еще болѣе рѣшительно и безповоротнo перестраивали соціальныя отношенія киргизскаго народа новыя хозяйственныя условія, побѣдоносно вторгнувшіяся въ степь и быстро подчинившія ее себѣ.

Колонизація степи русскими поселенцами и быстрое развитіе торговыхъ съ ней сношеній, пошедшія гигантскими шагами съ проложеніемъ въ ней желѣзно-дорожныхъ путей, произвели переворотъ въ хозяйственной жизни киргизъ. Когда то натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство киргизъ стало превращаться въ товарно-денежное, съ постепеннымъ переходомъ къ новымъ формамъ—осѣдло-скотоводческой и осѣдло-земледѣльческой. вмѣстѣ съ тѣмъ развиваются капиталистическія отношенія, въ ихъ первоначальной формѣ, и раскалываютъ киргизскій народъ на новыя экономическіе классы, не имѣющіе ничего общаго съ старыми родовыми и феодально-сословными его дѣленіями. И современнымъ изслѣдователямъ киргизъ приходится констатировать разложение родового строя и съ трудомъ отыскивать въ правосознаніи киргизскаго народа переживанія феодально-сослов-

ныхъ порядковъ. Къ разсмотрѣнію данныхъ современныхъ статистическихъ изслѣдованій мы и перейдемъ далѣе *).

Изъ этихъ изслѣдованій самыми крупными являются труды статистической экспедиціи Щербины, произведшей въ 1896—1903 г.г. подробное подворное описаніе киргизскаго хозяйства и землепользованія въ Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областяхъ. Для выясненія общаго характера киргизскаго хозяйства въ 10 (изъ 12 изслѣдованныхъ этой экспедиціей) уѣздахъ, по которымъ имѣются опубликованныя свѣдѣнія, помѣщаемъ нижеслѣдующую таблицу.

Таблица № 1.

У Ѣ З Д Ы.	Процентъ хозяйствъ.					Въ среднемъ на 1 хозяйство.	
	Коси- ныхъ сѣно.	Сѣнащихъ.	Потре- бляющъ хлѣбъ.	Пани- малюцъ рабочихъ.	Съ промы- слами.	Оскѣ- лыхъ (дѣлата- ковъ).	Деся- тиль по- сѣвъ. на крупн.
1. Актюбинскій . .	97,5	94,4	98,3	42,3	32,9	н. св.	5,8
2. Кустанайскій . .	92,1	77,2	98,4	28,1	31,7	0,8	3,7
3. Устькаменогорск.	96,5	69,5	98,9	17,0	50,7	9,9	1,2
4. Акмолинскій . .	94,5	61,5	80,8	26,7	19,5	4,3	2,3
5. Атбасарскій . .	74,8	30,7	99,2	13,7	15,2	6,4	1,3
6. Петропавловскій	93,7	24,9	97,8	19,0	58,0	4,2	2,1
7. Павлодарскій . .	86,4	24,2	99,1	14,5	30,7	3,2	1,6
8. Кокчетавскій . .	95,9	29,3	н. св.	н. св.	37,9	4,6	2,0
9. Каркаралинскій.	73,6	14,4	98,4	13,5	26,6	4,4	0,3
10. Омскій	93,8	3,2	98,3	24,6	60,4	0	1,6
Итого	89,5	46,3	96,3**)	22,3**)	33,1	4,3***)	1,4

*) Мы используемъ данныя слѣдующихъ работъ: „Матеріалы по киргизскому землепользованію“, собранныя экспедиціей Щербины; уѣзды Омскій, Петропавловскій, Кокчетавскій, Атбасарскій, Акмолинскій, Павлодарскій, Усть-Каменогорскій, Актюбинскій, Кустанайскій, Каркаралинскій; „Переселенцы-самовольцы и аграрный вопросъ въ Семирѣченской области“, отчетъ г. Шканскаго. „Матеріалы по киргизскому землепользованію Сыръ-Дарьинской области“, Чимкентскій уѣздъ; а также рукописные матеріалы повторнаго изслѣдованія уѣздовъ: Кокчетавскаго, Петропавловскаго и Омскаго.

**) Безъ Кокчетавскаго уѣзда.

***) Безъ Актюбинскаго уѣзда.

Итоговые цифры приведенной таблицы показывают, что киргизское хозяйство в 10 уездах степной полосы Сибири, занимающих большую часть ее площади, далеко нельзя назвать исключительно скотоводческо-кочевым. 96,8% всех хозяйств потребляют в пищу, а отчасти и на корм скоту, хлеба. А это уже стимуль, достаточно побудительный, чтобы заняться хлебопашеством. Но и эту цифру следует признать пониженной: процент потребляющих хлеба по уездам колеблется весьма слабо, везде приближаясь к 100; выскакивает только Акмолинский уезд, в котором он понижается до 80,8. Это понижение не находит себе оправдания в каких-либо хозяйственных особенностях Акмолинского уезда и поэтому должно быть отнесено на счет неполноты регистрации.

В соответствии с потреблением хлеба, % хозяйств, ссыющих хлеб, достигает 46,3, при чем на каждое сыящее хозяйство приходится в среднем 1,4 десятины посева. Очевидно, что земледелие в таком размере не может покрывать всех расходов даже той части населения, которая им занимается. То же самое нужно сказать и о заработках вне своего хозяйства: промыслами занимаются 33,1% всех хозяйств. Таким образом скотоводство до сих пор остается главным занятием и источником существования киргиз, земледелие же и промыслы побочным, дополнительным: в среднем на 1 хозяйство приходится 20,8 голов скота, в перевод на крупный. Судя по изслыдованиям Щербины, это количество скота приближается к нормам (24), удовлетворяющей еще не сложившейся потребности киргизской семьи. Однако, самый характер скотоводства уже отошел от чисто кочевого типа. Правда, джатаков, т.е. киргиз, некочующих по недостатку скота и вообще хозяйственной слабости, всего 4,3%, остальные же хозяева кочуют со своими стадами, но период кочевания обнимает собою только пять месяцев в году, — май — сентябрь. Остальное время киргиз живет оседло в зимовках и держит скот, за исключением лошадей, и, реже, овец, в стойлах. Пятилетний срок летнего кочевания является правилом, но с многочисленными от него отступлениями, — в юж-

ных уездах, — Атбасарском, Акмолинском, Каркаралинском, Устькаменогорском, — в сторону его удлинения, в северных — в сторону сокращения. Переход от чисто пастбищного содержания скота к частному стойловому скотоводству в распространении скотоводства: 89,5% всех хозяйств делают запасы сена на зиму.

Несомненно, что на изменение характера киргизского скотоводства, отмеченное здесь лишь в самых общих чертах, влияют новые условия жизни, образующиеся в степи вместе с развитием русской колонизации. Но было бы ошибочно приписать исключительно этому влиянию появление и развитие у киргиз земледелия. Возникновение арычного (при помощи искусственного орошения) земледелия в Средней Азии теряется в глубокой древности. Из Средней Азии, своей родины, как мы видели в историческом обзор, киргизы принесли с собой на север знание обрабатывать землю и орошать ее. В уездах Каркаралинском, Атбасарском и Устькаменогорском киргизы до сих пор орошают пашню арыками. Это арычное земледелие очень древнего происхождения. В других уездах мы не встречаем указаний на применение искусственного орошения к земледелию. Однако, судя по тому, что члены экспедиции Щербины нашли следы старых арыков в Кокчетавском уезде, нужно думать, что в старину распространение арычного земледелия было гораздо шире, чем теперь. То зерновое хозяйство, которое ведут в области хлебопашества киргизы теперь, действительно сравнительно недавнего происхождения и перенято ими от русских поселенцев.

Для сравнительной характеристики киргизского хозяйства в отдельных уездах, мы расположили их по степени распространения земледелия в убывающем порядке. Колебания процента сыящих хозяйств очень велики, — от 3,2 в Омском уезде до 94,4 в Актюбинском, — в 4-х уездах этот процент выше итогового среднего, в 6-и — ниже. Характерно, что остальные цифры таблицы не образуют правильных рядов, соответственных ряду сыящих хозяйств. Это показывает, что другие хозяйствен-

ныя явленія развиваются внѣ зависимости отъ распростра-
ненія земледѣлія или, по крайней мѣрѣ, не только въ этой
зависимости. Особенно важно это отмѣтить для ряда, по-
казывающаго среднее количество скота на 1 хозяйство. Оно
колеблется отъ 12,1 въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ до 29 въ
Атбасарскомъ, но въ однихъ многосѣящихъ уѣздахъ оно
приближается къ minimum'у въ другихъ къ maximum'у, то
же самое надо сказать и объ уѣздахъ малосѣящихъ.

Развитіе сѣнокошенія стоитъ въ явной зависимости отъ
естественно-историческихъ условій: въ уѣздахъ Каркаралин-
скомъ, Атбасарскомъ и Павлодарскомъ, гдѣ періодъ пастбы
значительно длиннѣе, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, % косив-
шихъ сѣно хозяйствъ колеблется отъ 73,6 до 86,4; въ осталь-
ныхъ—онъ превышаетъ 90.

Промыслы наиболѣе развиты въ сѣверныхъ прииртыш-
скихъ уѣздахъ и Устькаменогорскомъ, наименѣе на югѣ—
въ Атбасарскомъ, Акмолинскомъ, Каркаралинскомъ.

Процентъ джатаковъ низокъ во всѣхъ уѣздахъ; выдѣ-
ляется только Устькаменогорскій уѣздъ, гдѣ онъ достигаетъ
почти 10.

Если колебанія хозяйственныхъ условій довольно зна-
чительны по отдѣльнымъ уѣздамъ, то еще рѣзче эти коле-
банія по отдѣльнымъ экономическимъ группамъ населенія.
Это заставляетъ уже предполагать довольно высокій, какъ
видно, изъ предшествующей таблицы, процентъ хозяйствъ,
пользующихся наемной рабочей силой,—отъ 13,5 (Каркара-
линскій уѣздъ) до 42,3 (Актюбинскій). Наличность хозяйствъ,
покупающихъ рабочую силу, предполагаетъ существованіе
хозяйствъ, продающихъ ее, т.е. уже дѣленіе на экономиче-
скіе классы.

Опредѣляющимъ экономическимъ признакомъ экспедиція
Щербины выбрала количество лошадей, которымъ владѣтъ
хозяйство. Такъ какъ скотоводство во всѣхъ уѣздахъ остается
главнымъ занятіемъ киргизъ, то признакъ этотъ слѣдуетъ
признать удовлетворительнымъ. Въ групповыхъ и комбина-
ционныхъ таблицахъ щербиновскихъ „Сборниковъ матеріаловъ
по киргизскому землепользованию“ проведена детальная
группировка хозяйствъ по числу лошадей,—въ 8 и даже 10
группъ. Для нашихъ цѣлей мы соединимъ ихъ въ 3 группы:

1) хозяйства, имѣющія до 10 лошадей, 2) хозяйства, имѣю-
щія отъ 11 до 25 лошадей и 3) хозяйства, имѣющія 26 и
болѣе лошадей. Первыхъ можно считать группой бѣдныхъ
хозяйствъ, которыя едва ли сводятъ свой бюджетъ безъ де-
фицита и, во всякомъ случаѣ, до крайности урѣзываютъ
свои потребности; вторыхъ—средними, и третьихъ—зажиточ-
ными и богатыми. Что наше опредѣленіе этой группировки
правильно, показываетъ и то, что нормальнымъ обезпече-
ніемъ средней семьи скотомъ принята норма въ 24 головы
(въ переводѣ на крупный), и бюджетныя данныя. Изъ свода
бюджетныхъ данныхъ (т. XIII „Матеріаловъ“) выбираемъ слѣ-
дующую таблицу.

Таблица № 2.

Хозяйства, имѣющія скота въ переводѣ на лошадей.	Дефицитъ или остатокъ въ годовомъ бюджетѣ (въ рубляхъ).
До 10 единицъ	— 4
Отъ 11 до 20 един.	+ 7
Отъ 21 до 30 един.	+29
Отъ 31 до 40 един.	+49
Свыше 40 един.	+48

Итакъ хозяйства, имѣющія до 10 единицъ скота, сводятъ
бюджетъ съ дефицитомъ; у имѣющихъ отъ 11 до 20 единицъ
бюджетъ находится въ равновѣсіи, которое едва ли можно
назвать устойчивымъ,—малѣйшее потрясеніе хозяйства, и
семирублевый остатокъ превратится въ дефицитъ. Болѣе устой-
чивъ бюджетъ имѣющихъ отъ 21 до 30 единицъ скота, и только
начиная съ имѣющихъ свыше 30 единицъ, можно говорить о
дѣйствительномъ превышеніи доходовъ надъ расходами.

Приводимъ ниже принятую нами группировку хозяйствъ:

Таблица № 3.

Группировка хозяйствъ по числу лошадей.	У ѣ з д ы.									
	Омскій.	Атбасарскій.	Акмолинск.	Бустьайск.	Павлодарск.	Кочетавск.	Каркаралин.	Петропавлов.	Актюбинскій.	Устькаменог.
I. Имѣющія до 10 л.	66,5	70,8	72,3	74,0	76,0	74,5	83,2	82,5	86,1	89,0
II. Имѣющ. 11—25 „	21,5	19,5	18,3	16,7	15,6	17,7	11,3	12,7	9,8	7,9
III. „ 26 и бол.	12,0	9,7	9,4	9,3	8,4	7,8	6,5	4,8	4,1	3,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Цифры приведенной таблицы поражают своей правильностью. Мы расположили уѣзды въ порядкѣ убыванія процента богатыхъ (третій горизонтальный рядъ); процентъ бѣдныхъ (первый рядъ) расположился въ обратномъ порядкѣ—возрастанія, за ничтожнымъ отступленіемъ: слѣдовало бы переставить уѣзды Кокчетавскій и Павлодарскій. Процентъ среднихъ по достатку хозяйствъ (второй рядъ) убываетъ параллельно проценту богатыхъ; небольшія отступленія наблюдаются только въ уѣздахъ Кокчетавскомъ и Петропавловскомъ. Въ общемъ же, за указанными исключеніями, устанавливается такая закономерность: съ пониженіемъ числа богатыхъ и среднихъ хозяйствъ идетъ повышение числа бѣдныхъ. Это показываетъ, что современныя условія киргизскаго хозяйства дѣйствуютъ въ одномъ направленіи на всѣ группы населенія, — и низшія, и среднія, и высшія. Оговариваемся, что здѣсь рѣчь идетъ объ эволюціи хозяйственныхъ условій не во времени, а по мѣстностямъ: такъ, на примѣръ, въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ повышение числа бѣдныхъ произошло не только на счетъ среднихъ, но и богатыхъ хозяевъ; наоборотъ, въ Омскомъ уѣздѣ, на ряду съ повышеніемъ числа богатыхъ, повысилось и число среднихъ хозяевъ на счетъ уменьшенія бѣдныхъ.

Такимъ образомъ приведенныя цифры какъ-будто показываютъ, что вторженіе въ степь товарно-денежныхъ условій хозяйства, вмѣстѣ съ измѣненіемъ его формъ, не ведетъ къ поляризации отдѣльныхъ классовъ населенія,—къ разслоенію средней группы на бѣдныхъ, и богатыхъ; оно, какъ-будто, повышаетъ или понижаетъ — это покажутъ результаты повторныхъ переписей—достатокъ всей массы населенія. Однако, этотъ выводъ требуетъ существенной оговорки. Третья группа хозяйствъ заключаетъ въ себѣ не только богатыхъ, но, просто зажиточныхъ: киргизъ, имѣющій отъ 26 до 100 лошадей, далеко не богачъ, не считается таковымъ и имѣющій 100—200 лошадей. Къ сожалѣнію, въ статистическихъ сборникахъ группировка доходитъ только до 100; хозяйства же, имѣющія свыше 100 лошадей, всѣ соединены въ одну группу. Только въ двухъ уѣздахъ—Кустанайскомъ и Кокчетавскомъ—обособлена группа хозяйствъ, имѣющихъ свыше

300 лошадей. Принимая во вниманіе, что есть киргизы, владеющіе 1000 и болѣе лошадей, ясно будетъ, какія разнородныя хозяйства объединены въ третьей группѣ: отъ 26 до 1000 и болѣе. Численно въ ней, конечно, преобладаютъ хозяйства, имѣющія до 100 лошадей, т. е. просто зажиточныя. Этимъ и объясняется, что эволюція ихъ идетъ въ одномъ направленіи съ средними хозяйствами и въ обратномъ съ бѣдными.

Чтобы внести нѣкоторый коррективъ въ недостатки группировки предшествующей таблицы, мы выдѣлили хозяйства, имѣющія болѣе 100 лошадей, т.-е. болѣе или менѣе богатые. Процентъ ихъ по уѣздамъ показанъ ниже.

Таблица № 4.

	У	Б	З	Д	Ы.						
	Атбасар- скій.	Акмолин- скій.	Кустанай- скій.	Павло- дарскій.	Кокче- тавскій.	Каркара- линскій.	Петро- павловск.	Актюбин- скій.	Устька- меногор- скій.	Омскій.	Итого.
‰ хозяйствъ, имѣю- щихъ болѣе 100 ло- шадей	1,0	1,4	1,5	1,5	1,2	0,6	0,7	0,3	0,5	1,6	1,0

Сравнивая цифры этой таблицы съ цифрами предшествующей, трудно установить ихъ взаимную зависимость. Повидимому, закономерность образованія богатыхъ хозяйствъ, какъ явленія единичнаго, не можетъ быть прослѣжена по уѣздамъ.

Обращаясь къ общимъ итогам по 10 уѣздамъ и рассматривая ихъ статически, мы должны констатировать фактъ значительнаго разслоенія киргизскихъ хозяйствъ: масса бѣдна (78,2‰), количество хозяйствъ средняго достатка не велико—14,6‰, выдѣлилась небольшая группа (7,2‰) зажиточныхъ и богатыхъ хозяйствъ; собственно, послѣднія (имѣющія болѣе 100 лошадей) составляютъ всего 1‰, богачи же—и того меньше, судя по тому, что въ Кустанайскомъ уѣздѣ хозяйствъ, имѣющихъ болѣе 300 лошадей, всего 0,3‰, а въ Кокчетавскомъ—0,2‰.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводимъ цифры, характеризующія хозяйство трехъ экономическихъ группъ киргизскаго населенія.

Таблица № 6.

Группы хозяйствъ, имѣющихъ головъ скота въ переводѣ на лошади.	Головъ скота въ сред- немъ на 1 хозяйство.	Стоимость имущества въ средн. на 1 хоз.	Р а с х о д ь.					Д о х о д ь.				Дефицитъ или остат.
			Всего въ средн. на 1 хозяйство.	Денежныхъ.	Натуральныхъ.	На личныя по- требности.	На хозяйство.	Всего въ среднемъ на 1 хозяйство.	Денежныхъ.	Натуральныхъ.		
I. До 10 лошадей .	5,8	235	167	46	54	54	46	163	44	56	—4	
II. Больше 40 л. .	58,2	1796	859	35	65	46	54	908	38	62	+48	

Сравнивая среднее число скота (въ переводѣ на лошадей) на хозяйство въ двухъ группахъ, для которыхъ мы привели здѣсь бюджетныя данныя, съ соответствующими цифрами предшествующей таблицы, приходимъ къ заключенію, что первая бюджетная группа принадлежитъ къ бѣднымъ хозяйствамъ, вторая—къ богатымъ; но и въ той и въ другой группѣ среднія по бюджетнымъ даннымъ ниже среднихъ по массовымъ даннымъ, иначе говоря, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ бѣднѣйшими изъ бѣдныхъ и съ бѣднѣйшими изъ богатыхъ. Это, конечно, нисколько не уменьшаетъ цѣны относительныхъ выводовъ изъ бюджетныхъ данныхъ.

Стоимость имущества у богатыхъ хозяйствъ въ 7,6 разъ превышаетъ таковую у бѣдныхъ; расходъ у богатыхъ выше, чѣмъ у бѣдныхъ въ 5,1 разъ, приходъ—въ 5,6. Отношеніе денежнаго прихода—расхода съ натуральному у бѣдныхъ выше, чѣмъ у богатыхъ,—и у тѣхъ, и у другихъ натуральный приходо-расходъ превышаетъ денежный, при чемъ первый у бѣдныхъ составляетъ немного болѣе половины всего бюджета, у богатыхъ—нѣсколько менѣе двухъ третей. Бюджетъ бѣднаго хозяйства сводится съ дефицитомъ, богатаго—съ остаткомъ, но размѣры того и другого не велики *). У бѣдныхъ хозяйствъ остатокъ даетъ натуральный бюджетъ, а дефицитъ—денежный; у богатыхъ, наоборотъ, дефицитъ натурального бюджета съ избыткомъ покрывается остаткомъ денежнаго.

Вышеприведенными цифрами охарактеризовано киргизское хозяйство въ Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской

*) Это относится, конечно, только къ „бѣднѣйшимъ изъ богатыхъ“, т.-е. къ зажиточнымъ хозяйствамъ.

областяхъ Степной Сибири; что касается Семирѣчья и Туркестанскаго края, то по этимъ областямъ мы, къ сожалѣнію, располагаемъ лишь весьма ограниченнымъ матеріаломъ.

Въ отчетѣ г. Шкапскаго (1904 г.) „Переселенцы-самовольцы и аграрный вопросъ въ Семирѣченской области“ мы находимъ слѣдующія цифры, заимствованныя изъ „Обзора Семирѣченской области“ за 1902 г.

Таблица 7.

	У	Ъ	З	Д	Ы.		
Въ среднемъ на одно хозяй- ство приходится:	Пишпек- скій.	Вѣрен- скій.	Прже- вальскій.	Джар- кентскій.	Копаль- скій.	Лепсин- скій.	По обла- сти.
Десятина посѣва	2,9	1,9	1,2	0,7	0,7	0,7	1,4
Головъ скота въ переводѣ на лошадь	12,5	8,7	19,8	15,2	10,2	7,8	12,4

Сравнивая эти цифры съ цифрами соответствующей таблицы (№ 1) для Степныхъ областей, приходимъ къ выводу, что по площади посѣва у киргизъ Семирѣченская область стоитъ не выше, а по обезпеченію киргизскихъ хозяйствъ скотомъ значительно ниже Степной Сибири; сказанное относится какъ къ поуѣзднымъ, такъ и къ итоговымъ цифрамъ. Какой-либо постоянной зависимости между развитіемъ земледѣлія и обезпеченіемъ скотомъ приведенныя цифры не обнаруживаютъ. Киргизское земледѣліе (арычное) въ Семирѣчьи—древняго происхожденія; въ послѣднее же время развивается богарное (безъ искусственнаго орошенія) земледѣліе, перенятое киргизами отъ русскихъ поселенцевъ.

Ростъ киргизскаго хлѣбопашества видѣнъ изъ слѣдующихъ цифръ увеличенія посѣвной площади.

Таблица 8.

Годы.	% увели- ченія пло- щади посѣ- вовъ.
1898	8,8.
1899	8,8
1900	9,9
1901	12,1
1902	5,7

Въ то же время количество скота сокращалось, какъ показываетъ сравненіе данныхъ 70-ыхъ и 1902 г.г.

Таблица № 9.

Уѣзды.	% умень- шенія ко- личества скота.
Вѣрненскій	80,8
Пржевальскій	40,0
Копальскій	26,8
Пишпекскій	17,1
Лепсинскій	14,9

Цифръ, характеризующихъ экономическую дифференціацию киргизскаго населенія, въ отчетѣ г-на Шкапскаго не содержится. Имѣется только указаніе, что бѣдные хозяева занимаются преимущественно земледѣліемъ, богатые—скотоводствомъ и что, на почвѣ несовмѣстимости этихъ двухъ видовъ хозяйства, возникъ антагонизмъ между этими двумя классами населенія.

„Матеріалы по киргизскому землепользованію“ въ Чимкентскомъ уѣздѣ (1908 г.) характеризуютъ намъ хозяйство киргизъ Сыръ-Дарьинской области.

Населеніе Чимкентскаго уѣзда въ значительной своей части перешло уже отъ кочевого скотоводства къ осѣдлому земледѣлію: кочевники составляютъ всего 16,62%, осѣдлые 83,38%. Арычное земледѣліе и здѣсь извѣстно издревле; богарное—заимствовано у русскихъ лѣтъ 40 назадъ; вообще же земледѣліе стало развиваться и превращаться въ главное занятіе киргизъ въ послѣднія 30 лѣтъ. Въ настоящее время 95,4% всѣхъ киргизскихъ семействъ занимается хлѣбопашествомъ и 95,7%—сѣнокошеніемъ. Въ среднемъ на 1 хозяйство приходится 10,54 дес. посѣва—цифра максимальная для всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ уѣздовъ—и 2,50 дес. покоса. И хлѣбопашество, и сѣнокошеніе требуютъ здѣсь сравнительно большой затраты труда, такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ широкихъ размѣрахъ примѣняется искусственное орошеніе: изъ 10,54 дес. посѣва 8,27 поливныхъ и 2,27 неполивныхъ; изъ 2,50 дес. покоса поливныхъ 1,40, неполивныхъ 1,10.

Скотоводство въ Чимкентскомъ уѣздѣ, естественно, имѣетъ размѣры меньшіе, чѣмъ въ другихъ разсмотрѣнныхъ уѣздахъ. Въ среднемъ на 1 хозяйство, въ переводѣ на крупный, приходится 10,9 головъ. Низшую цифру мы находимъ только въ Копальскомъ, Вѣрненскомъ и Лепсинскомъ уѣздахъ Семирѣченской области.

Выясненіе относительнаго значенія въ киргизскомъ хозяйствѣ Чимкентскаго уѣзда хлѣбопашества и скотоводства побудило изслѣдователей принять за основу экономической группировки хозяйствъ не количество лошадей, а площадь посѣва. Правильность этого приема подтверждается бюджетными данными. На 1 душу обоого пола приходится въ среднемъ дохода отъ скотоводства 16,64 рублей, или 29,2%, отъ земледѣлія 40,34 рубля, или 70,8% всего доходнаго бюджета. Однако, прежде, чѣмъ приступить къ группировкѣ хозяйствъ по посѣву, мы, для сравненія съ цифрами по другимъ уѣздамъ, сгруппируемъ ихъ по числу лошадей. Предѣлы группъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ установлены нѣсколько иные, чѣмъ въ уѣздахъ, изслѣдованныхъ экспедиціей Щербины. Основываясь на данныхъ „Сборника матеріаловъ“ по Чимкентскому уѣзду, мы разбиваемъ 10 группъ на слѣдующія три: 1) хозяйства, имѣющія до 8 лошадей,—бѣдныя; 2) хозяйства, имѣющія отъ 9 до 22 лошадей,—среднія, и 3) хозяйства, имѣющія болѣе 22 лошадей,—богатые. Первыхъ—91,56%, вторыхъ—6,91%, третьихъ 1,53%; въ частности, хозяйства, имѣющихъ свыше 100 лошадей,—ничтожное число—0,02%. Такимъ образомъ, группируя хозяйства по количеству лошадей, мы приходимъ къ выводу, что Чимкентскій уѣздъ—самый бѣдный изъ уѣздовъ, разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ (ср. табл. № 3). Къ иному выводу мы придемъ, исходя изъ группировки по посѣву. Выдѣляя группу хозяйствъ съ посѣвомъ отъ 9,01 до 14 дес., какъ среднюю (по группѣ въ среднемъ на 1 хозяйство приходится 11,02 дес. посѣва, средняя по уѣзду—10,54 дес.), группы съ меньшимъ посѣвомъ, какъ бѣдныя, и съ большимъ,—какъ богатые, получимъ выводъ: *бѣдныхъ* (хозяйствъ, засѣвающихъ до 9 дес.)—46,96%, *среднихъ* (засѣвающихъ отъ 9,01 до 14 дес.)—29,23% и *богатыхъ* (засѣвающихъ болѣе 14 дес.)—23,81%; высшая группа

последнихъ, засѣвающая болѣе 30 десят. на хозяйство, составляетъ 2,29% всѣхъ хозяйствъ въ уѣздѣ.

Въ дальнѣйшемъ, характеризуя хозяйство киргизъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ, мы остановимся на группировкѣ по посѣву.

Таблица № 10.

Группировка хозяйствъ по посѣву. Хозяйства:	% хозяйствъ въ общему числу.	Въ среднемъ на 1 хоз.			% хозяйствъ.			
		Десятинъ посѣва.	Десятинъ покоса.	Головъ скота въ переподѣ.	Нанимающихся рабочихъ.	Съ промыслами.	Отпущающихъ въ каторжъ.	
I безъ посѣва	4,58	0	0,77	2,32	0,5	79,97	75,79	
II съ посѣвомъ до 2 дес. .	3,26	1,33	1,4	5,65	3,4	48,45	77,80	
III „ посѣв. отъ 2,01 до 5 д.	10,39	3,64	1,14	6,45	12,8	31,50	21,46	
IV „ „ „ 5,01 „ 9 „	28,73	7,28	1,94	7,26	19,2	14,70	11,54	
V „ „ „ 9,01 „ 14 „	29,23	11,15	2,50	10,38	31,9	10,31	5,37	
VI „ „ „ 14,01 „ 20 „	15,06	16,67	3,59	15,71	46,7	8,56	5,20	
VII „ „ „ 20,01 „ 30 „	6,46	23,69	4,66	22,69	59,0	9,20	3,47	
VIII „ „ „ свыше 30 дес. .	2,29	39,38	7,73	46,38	75,5	10,78	0,98	

Приведенная таблица рисуетъ намъ такую-же картину, какую мы видѣли на примѣрахъ другихъ уѣздовъ. Бѣдные хозяйства не имѣютъ посѣва или засѣваютъ площадь земли, урожай съ которой недостаточенъ для покрытія ихъ потребностей; мало также у нихъ скота; поэтому недостатки своего бюджета они покрываютъ промыслами внѣ своего хозяйства, которые состоятъ главнымъ образомъ въ продажѣ своей рабочей силы. Покупщиковъ ея они находятъ въ хозяйствахъ богатыхъ, которыя дѣлаютъ такія крупныя запашки, держатъ такъ много скота, что наемъ рабочихъ является для нихъ необходимостью, нормальнымъ явленіемъ. Небольшая часть и богатыхъ имѣетъ промыслы внѣ своего хозяйства, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ это торговля и другія самостоятельныя и доходныя занятія.

Глава 2. Вліяніе на экономическую группировку киргизскихъ хозяйствъ стараго сословнаго строя.

Всѣ вышеприведенныя цифровыя данныя свидѣлствуютъ, что масса киргизскаго населенія раскололась на отдѣльныя группы на почвѣ экономической. Вліяніе на это разслоеніе новыхъ условій, возникшихъ съ развитіемъ рус-

ской колонизаціи, неизбежно стѣсняющей просторъ киргизскихъ кочеваній, и съ приобщеніемъ степи къ національному товарно-денежному хозяйству, несомнѣнно. Но остается открытымъ вопросъ, въ какой связи съ образованіемъ у киргизъ отдѣльныхъ экономическихъ классовъ стоитъ старое ихъ сословное дѣленіе на „бѣлую кость“ и „черную кость“. Для отвѣта на этотъ вопросъ обратимся, прежде всего, къ тѣмъ же статистическимъ сборникамъ, матеріалы которыхъ мы использовали выше.

Существовавшее нѣкогда у киргизъ дѣленіе на черную и бѣлую кость не ускользнуло, конечно, отъ вниманія статистиковъ. Они столкнулись съ нимъ при изслѣдованіи родового состава теперешнихъ ауловъ и общинъ и при изученіи исторіи землепользованія отдѣльныхъ общинъ.

На ряду съ многочисленными потомками родовъ Большой, Средней и Малой орды, составляющими массу населенія, встрѣчаются въ небольшомъ числѣ потомки султановъ, теленгутовъ и кожей (или ходжей). Указанія на это мы находимъ въ сборникахъ по Устькаменогорскому, Павлодарскому, Каркаралинскому, Омскому и Кокчетавскому уѣздамъ, а также въ родовыхъ таблицахъ, приложенныхъ къ сборникамъ. Несомнѣнно то же явленіе имѣетъ мѣсто и въ другихъ уѣздахъ. Обыкновенно, потомки этихъ феодальныхъ сословій не составляютъ особыхъ поселенныхъ группъ, а вкраплены въ поселенія остальныхъ родовъ. Напр., въ сборникѣ по Каркаралинскому уѣзду мы читаемъ: „въ группѣ 325 (земельной) мы находимъ султановъ съ теленгутами и роды Кипчакъ и Талъ (Каракесекъ); въ гр. 219—султановъ съ теленгутами, Уакъ, Кыргызъ и Танасъ (Каракесекъ); въ гр. 194—султановъ съ теленгутами, Кыргызъ и Куандыкъ и т. д.“. Подобныя-же указанія мы встрѣчаемъ въ сборникѣ по Омскому уѣзду и др. Такая распыленность немногочисленныхъ представителей „бѣлой кости“ (теленгуты, какъ явствуетъ изъ нашего историческаго обзора, не принадлежатъ къ ней) вполне понятна: ни султаны, ни теленгуты, ни ходжа (или кожа) никогда не принадлежали къ родамъ киргизъ, — султаны и ходжа—по происхожденію, а теленгуты, какъ отщепенцы.

Свою власть надъ народомъ султаны проявили въ періодъ

осѣданія родовъ и ихъ частей на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, они живутъ и теперь. Исторія формъ киргизскаго землепользованія, какъ выясняется изъ богатыхъ матеріаловъ, заключающихся въ статистическихъ сборникахъ, въ общихъ чертахъ такова. При полномъ господствѣ кочевого быта признаки землепользованія, собственно говоря, отсутствуютъ. Киргизы и лѣто и зиму перегоняли скотъ съ мѣста на мѣсто, перенося съ собою и свои жилища — юрты. Въ это время земли было такъ много, что правъ собственности на нее не существовало, и если между отдѣльными родами происходили споры за право кочеванія на извѣстной территоріи, то дѣло шло не о землѣ, а исключительно о водныхъ источникахъ, которыми степь не богата и которые, по этому, цѣнятся весьма высоко. Въ это время родовая община, помимо общаго происхожденія, опредѣлялась общимъ кочеваніемъ, общей защитой отъ нападений и грабежей враждебныхъ родовъ и общими барантами. Первымъ признакомъ права на опредѣленное землепользованіе явился „коунъ“, т. е. скотскій пометъ на стойбищѣ. Коунъ давалъ право данной родовой группѣ становиться на томъ-же мѣстѣ и на будущій годъ. Но никакихъ опредѣленныхъ границъ землепользованія вокругъ коуна все-же не существовало.

По мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, русскіе окружали киргизъ цѣпью своихъ владѣній, съ другой стороны, увеличивалось населеніе киргизъ, у родовыхъ группъ стала ощущаться потребность закрѣпить за собой право пользованія извѣстной территоріей. И, приблизительно, съ середины XVIII до середины XIX столѣтія происходитъ осѣданіе родовъ. Въ это время киргизы, по крайней мѣрѣ, въ сѣверной части занимаемой ими территоріи, стали проводить зиму уже въ зимовкахъ (кстау), въ постоянныхъ жилищахъ. Естественно, что прежде всего закрѣплялось право пользованія кстау и прилегающей къ ней площадью. Затѣмъ выдвинулся вопросъ объ исключительномъ правѣ опредѣленныхъ родовъ и ихъ частей на пользованіе кузеу, т. е. весенне-осенними пастбищами, тогда какъ джайляу, т. е. лѣтнія пастбища, оставались свободными для пользованія разныхъ родовъ или разныхъ частей одного многочисленнаго рода. Этотъ періодъ захвата ро-

довыми группами опредѣленныхъ мѣстностей ознаменовался цѣлымъ рядомъ столкновений, иногда оканчивавшихся кровопролитіемъ, между отдѣльными родами изъ-за права пользованія землей. Болѣе сильные и многочисленные роды захватывали лучшія мѣста и вытѣсняли болѣе слабые роды изъ занятыхъ уже ими территорій. Въ этихъ столкновеніяхъ султаны сыграли видную роль.

Облеченные по „Уставу о сибирскихъ киргизахъ“ 1822 г. административною властью надъ массой киргизскаго населенія, они нерѣдко употребляли эту власть для того, чтобы рѣшать земельные споры въ пользу свою и своихъ приверженцевъ, не стѣсняясь при этомъ примѣнять прямое насиліе. Примѣровъ такихъ дѣйствій султановъ въ „Сборникахъ матеріаловъ по киргизскому землепользованію“ приведено достаточно много. Прочитируемъ нѣкоторые изъ нихъ.

...„Сынъ Букей-хана, Султангары, двигаясь на юго-западъ, отъ первоначально занятой Букей-ханомъ территоріи, вытѣснилъ (30-е годы XIX ст.) киргизъ изъ рода Садыръ, ушедшихъ въ предѣлы теперешняго Лепсинскаго уѣзда съ занимаемыхъ ими пространствъ (гр. 55, 59, 74) и частью занялъ ихъ самъ со своими рабами и дружинниками—теленгутами, частью роздалъ своимъ товарищамъ изъ рода Кожагулъ“ *). ...„Въ 40-хъ годахъ XIX в. киргизы рода Мамай, выдворенные силой со своихъ родовыхъ пастбищъ въ Бугулинскихъ горахъ Акмолинскаго уѣзда султаномъ Конуркульджою, заняли территорію, на которой живутъ и теперь. Тогда же, по приглашенію рода Кояншъ-Тогай, сюда пришли внуки Букей-хана, Сыгай и Сангкай, со своими теленгутами, какъ правители рода Кояншъ-Тогай. Въ это же время потомки бывшихъ подвижниковъ Букей-хана Джангабыла и Донгелека, спасаясь отъ намѣренія султана Турсына-Чингыса, подполковника русской службы, обратить ихъ въ рабство, ушли, подъ покровительствомъ разныхъ вліятельныхъ лицъ, съ которыми они породнились, на занимаемая ими нынѣ мѣста“ (гр. 21) **). Муса Чормановъ, старшій султанъ, по „Уставу“ 1822 г., и майоръ

*) См. „Сборникъ“ по Каркаралинскому уѣзду, стр. 13.

**) Тамъ-же, стр. 14.

русской службы, захватилъ земли, принадлежавшія роду Малкозы, который „первоначально лишился части своихъ земель, отошедшихъ казакамъ Баянъ-аульской станицы, а потомъ принужденъ былъ вовсе уйти со своихъ коренныхъ земель подъ давленіемъ Чорманова. Тотъ же Чормановъ поселилъ среди рода Тапкельтырь свыше 100 кибитокъ своихъ сородичей изъ рода Каржасъ“ *).

Эти примѣры, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, показываютъ, что султаны захватывали лучшія и наиболѣе удобныя земли. Но для изслѣдуемой здѣсь темы важно выяснить, образовалось ли такимъ путемъ особое султанское землепользованіе, аналогичное землевладѣнію помѣстнаго дворянства. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, не оставляющій сомнѣній, мы находимъ въ тѣхъ же „Матеріалахъ по киргизскому землепользованію“.

Въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. прекратились крупныя передвиженія киргизскихъ родовъ по степи и они осѣли приблизительно на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ живутъ и въ настоящее время. Это не значитъ, конечно, что отдѣльныя, небольшія части родовъ и даже отдѣльныя хозяйства не мѣняли мѣстъ своихъ кстау и своихъ лѣтнихъ кочеваній. Наоборотъ, такія частичныя перемѣщенія происходятъ до сихъ поръ. Самый терминъ „осѣли“ надо понимать въ условномъ смыслѣ. Родовыя группы устанавливали за собой право пользованія опредѣленнымъ кстау (зимовка), но уже границы прикставной территоріи не могли быть опредѣлены съ точностью; еще въ большей мѣрѣ относится это къ весенне-осеннимъ пастбищамъ—кузеу, которыя мѣнялись въ зависимости отъ наличности въ данный годъ воды и другихъ условий; джайлау же до послѣдняго времени находились, а частью и теперь находятся въ общемъ пользованіи различныхъ родовъ. Эта неопредѣленность границъ землепользованія родовъ зависитъ отъ самаго характера пастбищно-кочевыхъ хозяйства киргизъ. Скотъ гонять туда, гдѣ въ данный годъ, подъ вліяніемъ метеорологическихъ условий, есть кормъ и вода, а это бываетъ не всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

*) См. „Сборникъ“ по Павлодарскому уѣзду, стр. 30.

Наконецъ, значительная часть скота—а раньше она была еще больше—пасется безъ присмотра пастуховъ и, конечно, не считается ни съ какими границами.

Эти общія условія киргизскаго землепользованія имѣли одинаковую силу и для султановъ, которые уже вслѣдствіе одного этого не могли закрѣпить за собой и своими потомками опредѣленныхъ площадей земли. Эти же условія не позволяли образоваться въ правосознаніи киргизскаго народа представленію о преимущественномъ правѣ султановъ на землю, разъ это право сперва отрицалось за кѣмъ бы то ни было, а потомъ, въ очень условной формѣ, признавалось только за цѣлымъ родомъ или его крупными частями. Съ другой стороны, султаны, даже вмѣстѣ со своими теленгутами, были слишкомъ малочисленны, чтобы удержать за собой право пользованія сколько-нибудь обширной территоріей. Для этого имъ приходилось имѣть приверженцевъ изъ какого-либо сильнаго рода, вмѣстѣ съ которыми они и селились обыкновенно на кстау. Такъ получилось то, что султаны въ настоящее время оказались вкрапленными въ земельно-родовыя группы потомковъ „черной кости“.

Съ прекращеніемъ дѣйствія „Устава о Сибирскихъ киргизахъ“ (въ 1869 г.) и упраздненіемъ привилегій султановъ, какъ наслѣдственно-правлящаго сословія, исчезла для нихъ возможность извлекать изъ условій киргизскаго землепользованія и хозяйства исключительныя для себя выгоды. Отнынѣ они встрѣтили въ этомъ сильнѣйшихъ конкурентовъ въ богатыхъ родовичахъ „черной кости“. Обладаніе административной властью надъ массой киргизскаго населенія, конечно, по прежнему давало орудіе для ея эксплуатаціи, но теперь оно уже перестало быть привилегіей султановъ, а стало объектомъ борьбы всѣхъ вліятельныхъ и богатыхъ киргизъ. И въ этой борьбѣ побѣда далеко не всегда принадлежитъ потомкамъ султановъ. Рѣшающимъ моментомъ въ ней является богатство: кто затратитъ большую сумму денегъ на угощеніе и подкупъ выборщиковъ, тотъ и будетъ избранъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вполне опредѣленно намѣтились и черты эволюціи киргизскаго землепользованія въ позднѣйшее вре-

мя. Отъ родовой общины киргизы переходятъ, а частью перешли къ земельно-сосѣдской. Подъ вліяніемъ развитія сѣнокошенія и хлѣбопашества, что повело къ выдѣленію изъ общей массы земель наиболѣе цѣнныхъ угодій; съ другой стороны, подъ вліяніемъ все большихъ стѣсненій киргизскихъ перекочевокъ вслѣдствіе частью изытія находившихся въ ихъ пользованіи земель подъ русскія поселенія, частью—увеличенія киргизскаго народонаселенія,—группы сосѣднихъ ауловъ стали болѣе точно опредѣлять границы своего землепользованія. Эти группы далеко не всегда одного и того же родового состава, и во всякомъ случаѣ потомки султановъ входятъ въ нихъ только какъ часть общаго конгломерата. Въ дальнѣйшемъ наблюдается обособленіе землепользованія уже отдѣльных ауловъ. Появляются также передѣлы покосовъ, совершенно не извѣстные старой киргизской общинѣ, знавшей только свободный захватъ земель; появляется и подворно-наслѣдственное владѣніе какъ пахотными, такъ и сѣнокосными участками. Во всей этой эволюціи нѣтъ совершенно мѣста образованію особаго султанскаго землепользованія.

Вотъ почему не случайность и не дефектъ изслѣдованія, что статистики, когда переходятъ къ характеристикѣ современнаго землепользованія киргизъ и экономической дифференціи киргизскихъ хозяйствъ, ни разу не упоминаютъ о султанахъ, не говорятъ специально о султанскомъ землепользованіи или о султанской группѣ хозяйствъ, а включаютъ ихъ въ общую массу населенія. Это объясняется тѣмъ, что и въ дѣйствительности нѣтъ обособленной, по условіямъ и размѣрамъ землепользованія и хозяйства, султанской группы. Потомки султановъ частью вошли въ составъ высшей по достатку группы богачей, частью обѣднѣли и распредѣлились по другимъ низшимъ группамъ: существовавшія когда-то, а нынѣ упраздненныя сословныя привилегіи не спасли ихъ отъ законовъ конкуренціи товарно-денежнаго хозяйства, подчинившихъ уже себѣ киргизскую степь.

Это относится въ равной мѣрѣ какъ къ Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областямъ, такъ и къ Чимкентскому уѣзду Сыръ-Дарьинской области. Въ послѣднемъ ука-

занное явленіе даже болѣе рѣзко выражено. Тамъ родовая община уже замѣнилась земельно-сосѣдской съ передѣлами для части угодій, и на выдѣленіе султанскихъ родовъ мы не находимъ никакихъ указаній.

Въ противорѣчіи съ вышесказаннымъ о современномъ положеніи потомковъ султановъ находится, повидимому, слѣдующая характеристика отношеній, существующихъ въ Семирѣчьи. „Съ перемѣною взглядовъ русскаго правительства на систему управленія киргизами, т.-е. съ введеніемъ выборнаго начала, мало измѣнились внутренніе распоряжки. Въ большинствѣ мѣстъ киргизской степи потомки султановъ-правителей сохранили надъ народомъ власть экономическую и продолжаютъ поэтому владѣть лучшими землями и въ болѣе ихъ количествѣ, чѣмъ рядовая киргизская масса“ *). Далѣе, въ „Отчетѣ“ г. Шкапскаго, откуда взята только что приведенная цитата, рассказывается о цѣломъ рядѣ злоупотребленій султановъ и манаповъ (кара-киргизская „бѣлая кость“), связанныхъ съ отдачей общинныхъ земель въ аренду русскимъ поселенцамъ и противодѣйствіемъ киргизской бѣднотѣ, желающей получить надѣлы по осѣдлой, переселенческой нормѣ.

Допуская априори, что въ Семирѣчьи и Туркестанскомъ краѣ, позднѣе подвергшихся вліянію русской политики и русской колонизаціи, пережитки сословныхъ привилегій султановъ должны быть болѣе замѣтны, чѣмъ въ степныхъ областяхъ Сибири, мы все же должны признать выводы г. Шкапскаго о султанской власти преувеличенными и едва ли достаточно обоснованными. Подворнаго статистическаго изслѣдованія Семирѣчья не было (собранные матеріалы по небольшой части области не опубликованы) и г. Шкапскому пришлось опереться на показанія лишь нѣсколькихъ заинтересованныхъ лицъ изъ среды крестьянъ-переселенцевъ, едва ли достаточно знакомыхъ съ внутренними отношеніями киргизскаго населенія. Во всякомъ случаѣ характеристика султанской власти, данная г. Шкапскимъ, стоитъ совершенно оди-

*) См. „Переселенцы-самовольцы и аграрный вопросъ въ Семирѣченской области“, отчетъ г. Шкапскаго. Стр. 36 и слѣд.

ноко среди всего обширнаго матеріала, которымъ мы располагаемъ по данному вопросу.

Съ нашимъ выводомъ, что въ новѣйшее время сословныя привилегіи султановъ утратили среди киргизскаго народа реальное значеніе, рѣшающее же значеніе для пріобрѣтенія вліянія и власти пріобрѣло богатство, независимо отъ его принадлежности представителю „черной“ или „бѣлой“ кости, согласуются и всѣ показанія изслѣдователей быта киргизъ. Харузинъ, напр., говоритъ: „Главными причинами паденія значенія султановъ и ходжей, какъ дворянскаго сословія, послужили два обстоятельства: во-первыхъ, обѣднѣніе и, во-вторыхъ, уничтоженіе ихъ власти, вмѣстѣ съ упраздненіемъ ихъ правъ“. И далѣе: „Вообще говоря, султанъ лишь въ томъ случаѣ имѣетъ вѣсъ, если онъ богатъ“. Даже проявленіе тѣхъ внѣшнихъ знаковъ почета, которые до сихъ поръ еще сохраняются среди киргизъ по отношенію къ „бѣлой кости“, зависитъ отъ того, богатъ-ли ея представитель. Богатому султану говорятъ „таксоръ“, т.-е. господинъ, при встрѣчѣ привѣтствуютъ словомъ „алдіяръ“ вмѣсто обычнаго „саямаликъ“ (или „селямяликумъ“), но бѣдный султанъ лишентъ этихъ почестей (Харузинъ). То же подтверждаетъ Загряжскій относительно Туркестанскихъ киргизъ. Щербина, отмѣтивши паденіе обычая гостепріимства вмѣстѣ съ разложеніемъ у киргизъ родового строя, говоритъ: „Даже потомки когда-то столь чтимыхъ султановъ, обѣднѣвши, лишились вмѣстѣ съ тѣмъ какъ внѣшняго почета, такъ и правъ на лучший кусокъ за столомъ рядового, но богатаго киргиза. Однимъ словомъ, хозяйственные расчеты и экономическій индивидуализмъ пустили уже очень прочные корни въ жизнь кочевника. Обыденныя отношенія начинаютъ слагаться подъ вліяніемъ иныхъ началъ: вѣсъ, мѣра и счетъ вошли во всеобщій обиходъ“. Уравненіе въ правахъ по „адату“ (обычное право киргизъ) отмѣчаетъ у Туркестанскихъ киргизъ и каракиргизъ и Гродековъ: „Нынѣ законъ и, по примѣру его, адаты, не дѣлаютъ никакого различія между бѣлою костью и остальнымъ народомъ. Когда аксуяки (акъ-суэкъ, или акъ-суякъ—бѣлая кость. П. Р.) вѣжливы, то имъ оказываютъ особый почетъ; но при столкновеніи съ ними говорятъ имъ: „нынѣ и рабы свободны:

намъ не менѣ дана свобода; на грубое обращеніе и мы отвѣчаемъ грубо“ (показаніе Микебала, бія Перовскаго уѣзда). Въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ положительно отрицаютъ привилегіи бѣлой кости.

Думаемъ, что приведенныхъ цитатъ, вмѣстѣ со всѣмъ вышеизложеннымъ, достаточно, чтобы признать доказаннымъ положеніе: власть родовой аристократіи, по скольку она имѣла мѣсто среди киргизскаго народа, замѣнилась властью нарождающейся новой аристократіи—денежной.

Глава 3. Данные повторнаго статистическаго изслѣдованія Кокчетавскаго, Петропавловскаго и Омскаго уѣздовъ Акмолинской области.

Для полнаго освѣщенія занимающаго насъ здѣсь вопроса намъ остается разсмотрѣть еще нѣкоторыя данныя матеріаловъ повторнаго статистическаго изслѣдованія, произведеннаго въ Кокчетавскомъ, Омскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ Акмолинской области въ 1907—08 гг. *).

Таблица № 11.

У ѣ з д ы .	Годъ изслѣдованія.	Увеличеніе численности въ 0/00	П р о ц е н т ь х о з я и с т в ѣ .							
			Кочующихъ на джайлу.	Кочующихъ только на куэу	Оседлыхъ.	Вѣдныхъ (до 10 лошадей).	Среднихъ (отъ 11 до 25 лошадей).	Богатыхъ (свыше 26 лошадей).	Занимающихся только скотоводствомъ.	Занимающихся также земледѣліемъ, занимающихся также промыслами.
Кокчетавскій	1896	0	95,4	4,6	74,5	17,7	7,8	?	21,6	37,9
	1907	25,1	87,2	9,9	2,9	46,6	32,9	20,5	51,6	?
Петропавловскій	1901	0	95,8	4,2	82,5	12,7	4,8	?	24,9	58,0
	1908	17,1	88,6	9,9	1,5	51,9	31,7	16,4	23,9	43,9
Омскій	1901	0	100	0	66,5	21,5	12,0	?	3,2	60,4
	1908	32,9	87,0	12,8	0,2	55,7	28,1	16,2	46,2	27,6

*) Часть этихъ данныхъ мы извлекли изъ записки г-на Кузнецова „Главные результаты повторнаго статистическаго изслѣдованія киргизск. хоз. и землепольз. въ Кокчетавскомъ уѣздѣ“, часть—изъ рукописныхъ матеріаловъ по всѣмъ тремъ уѣздамъ. Такъ какъ окончательные подсчеты этихъ матеріаловъ еще не опубликованы, то въ нашихъ цифрахъ возможны незначительныя неточности, не вліяющія, конечно, на выводы.

Цифры приведенной таблицы обнаруживают во всѣхъ трехъ уѣздахъ подъемъ благосостоянія массы киргизскихъ хозяйствъ: процентъ хозяйствъ богатыхъ и среднихъ значительно возросъ, процентъ бѣдныхъ хозяйствъ соответственно уменьшился; по успѣшности этого процесса на первомъ мѣстѣ стоитъ Петропавловскій уѣздъ, за нимъ слѣдуетъ Кокчетавскій и послѣднее мѣсто занимаетъ Омскій. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ пониженіе % джатаковъ въ Петропавловскомъ и Кокчетавскомъ уѣздахъ, что касается Омскаго уѣзда, то тамъ было зарегистрировано въ 1908 году 14 джатаковъ, тогда какъ въ 1901 г.—ни одного. Значительный ростъ числа хозяйствъ—въ Кокчетавскомъ уѣздѣ на 2,3% въ годъ, въ Петропавловскомъ—на 2,4%, и въ Омскомъ на 4,7%—не можетъ быть объясненъ, конечно, только естественнымъ приростомъ населенія. Здѣсь, наряду съ раздѣломъ семей, большую роль играетъ вселеніе киргизъ изъ другихъ уѣздовъ. Во всякомъ случаѣ и этотъ фактъ не противорѣчитъ выводу объ увеличеніи благосостоянія киргизскаго населенія, а скорѣе подтверждаетъ его.

Измѣненіе характера киргизскаго хозяйства проявляется въ сильномъ повышеніи процента хозяйствъ, занимающихся земледѣліемъ,—въ Петропавловскомъ уѣздѣ почти *вдвое* и въ Омскомъ почти въ *девять* разъ; въ рѣзкомъ противорѣчій съ этимъ стоятъ данныя по Кокчетавскому уѣзду, по которымъ % сѣящихъ хозяйствъ уменьшился на 2,1. Къ сожалѣнію, разные приемы группировки хозяйствъ при разработкѣ матеріаловъ перваго и повторнаго изслѣдованій лишаютъ насъ возможности провести параллель до конца: для перваго изслѣдованія не выдѣлены хозяйства, занимающіяся только скотоводствомъ, для втораго—*всѣ* хозяйства, занимающіяся промыслами (часть ихъ вошла въ группу сѣящихъ хозяйствъ). Мы можемъ отмѣтить только, что и въ настоящее время громадное большинство хозяйствъ во всѣхъ трехъ уѣздахъ кочуетъ и на джайлау, и на кузеу.

По двумъ уѣздамъ — Петропавловскому и Омскому—мы располагаемъ данными о развитіи земледѣлія въ различныхъ экономическихъ группахъ хозяйствъ.

Таблица № 12.

Процентъ хозяйствъ.

УѢЗДЫ.	Экономическія группы хозяйства:	По повторному изслѣдованію.						
		Кочующихъ на джайлау.	Кочующихъ на кузеу.	Не кочующихъ.	Занимающихся только скотоводствомъ.	Занимающихся также земледѣліемъ.	Занимающихся также промыслами.	Сѣящихъ хозяйство по перв. изслѣдованію.
Петропавловскій.	Бѣдныя . .	82,2	15,1	2,7	17,4	42,5	40,1	22,9
	Среднія . .	94,6	5,2	0,2	27,3	46,2	26,5	33,6
	Богатыя . .	97,8	2,1	0,1	38,2	43,8	18,0	37,7
Омскій.	Бѣдныя . .	86,6	13,2	0,2	41,1	23,9	33,0	2,7
	Среднія . .	86,6	13,3	0,1	48,4	33,5	18,1	3,9
	Богатыя . .	89,2	10,7	0,1	60,1	29,0	10,9	4,5

Какъ показываютъ цифры этой таблицы, въ обоихъ уѣздахъ богатые хозяйства остаются попрежнему преимущественно кочевниками-скотоводами: у нихъ наименѣе сильный приростъ сѣющихъ хозяйствъ. Наоборотъ, у бѣдныхъ хозяйствъ процентъ сѣющихъ возросъ наиболѣе сильно. Все же, среднія хозяйства остаются на первомъ мѣстѣ по проценту занимающихся земледѣліемъ, рассматривая вопросъ статически. Процентъ хозяйствъ, занимающихся промыслами *), правильно падаетъ отъ бѣдныхъ къ богатымъ.

Не ограничиваясь вышеприведенными данными, мы отобрали въ трехъ уѣздахъ, подвергнутыхъ повторной переписи, карточки богачей. За таковыхъ мы приняли хозяйства, имѣющія свыше 300 лошадей. Такихъ хозяйствъ оказалось въ Кокчетавскомъ уѣздѣ 70, или 0,4% общаго числа (въ 1896 г. было 0,2%), въ Петропавловскомъ—28, или 0,2%, и Омскомъ—24, или 0,3%. Всѣ эти хозяйства принадлежатъ полнымъ кочевникамъ (кочующимъ и на кузеу, и на джайлау); кочующихъ только на кузеу 2, одно хозяйство въ Кокчетавскомъ уѣздѣ и одно—въ Омскомъ.

*) Слѣдуетъ здѣсь имѣть въ виду сдѣланную выше оговорку о характерѣ группировки: мы имѣемъ дѣло не со всеми промысловыми хозяйствами, а только съ тѣми, которые не занимаются земледѣліемъ.

Данные, характеризующія эти хозяйства, мы сгруппировали въ слѣдующей таблицѣ.

Таблица № 13.

УѢЗДЫ.	‰ хозяйствъ занимающихся.			Въ средн. на 1 хоз.		‰ про-мыслен.		Средній годовоі заробѣтокъ отъ промысловъ на 1 хоз.		‰ хозяйствъ, нанимающихъ рабочихъ.		Среднее на 1 хозяйство число наемныхъ рабочихъ.		Въ среднемъ на 1 хозяйство.		
	Только скотовод-ствомъ.	Также и земледѣл.	Также и промыс-лами.	Скота, въ переводѣ на крупный.	Десятина посѣва.	‰ хозяйствъ съ промыс-лами.	Торговцевъ.	Служащихъ по вы-борамъ.				Построекъ.	Орудій, земледѣл-ческ. и транспортн.	Потребляется скотовъ хлѣба въ годъ.	Потребляется головъ скота въ годъ.	Выручается за годъ отъ продажи своего скота.
Кокчетавск.	74,3	14,3	11,4	500,9	6,5	17,1	80,0	20,0	675	98,6	6,5	11,5	32	247	101	1680
Петропавл.	28,6	50,0	21,4	509,8	13,0	53,6	66,7	33,3	3973	100	9,4	15,0	48	667	69	1442
Омекій . .	62,5	8,3	29,2	643,7	2,0	29,2	66,7	33,3	505	95,6	8,0	13,6	36	187	103	2185

Капиталистическій характеръ киргизскихъ богатыхъ хозяйствъ изъ приведенныхъ цифръ совершенно ясенъ, не смотря на то, что киргизы-богачи остаются кочевниками-ското-водами. Только въ Петропавловскомъ уѣздѣ ‰ хозяйства, имѣющихъ запашки, достигаетъ 50 и превышаетъ поуѣздную среднюю (43,9); въ остальныхъ уѣздахъ онъ не высокъ и самъ по себѣ, и значительно ниже поуѣздныхъ среднихъ (ср. табл. № 11). Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ выдѣляется въ Петропавловскомъ уѣздѣ по своей высотѣ цифра потребления хлѣба и, наоборотъ, по сравнительно малой величинѣ цифра потребления мяса. Однако, небольшой размѣръ запашекъ даже въ Петропавловскомъ уѣздѣ, не говоря уже о другихъ, показываетъ, что земледѣліе носить не промышленный характеръ, а потребительный.

Центръ тяжести богатыхъ киргизскихъ хозяйствъ лежитъ въ скотоводствѣ. Они держатъ громадныя стада: среднія цифры въ 500 — 650 головъ въ переводѣ на крупный означаютъ, если сдѣлать обратный переводъ, наличность стадъ въ тысячи головъ (съ мелкимъ скотомъ). У отдѣльных богачей число только лошадей достигаетъ 1000—1500 и болѣе. Продажа своего скота и является, какъ правило, главной доходной статьёй богатыхъ хозяйствъ, давая въ среднемъ до-

ходъ въ 1500 — 2000 и болѣе рублей въ годъ, а въ отдѣльных случаяхъ до 5 — 10 тысячъ. Другой важной доходной статьёй служатъ промыслы. Богачи знаютъ только два вида ихъ, — торговлю, на которую падаетъ отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ всѣхъ промышленниковъ, и службу по выборамъ въ киргизской администраціи, при чемъ богачи занимаютъ только высшія должности: изъ 12 промышленниковъ—служащихъ оказался 1 бій и 11 волостныхъ управителей. Доходъ отъ „промысловъ“ въ среднемъ превышаетъ 500 руб. въ годъ (выскакивающая цифра по Петропавловскому уѣзду объясняется тѣмъ, что здѣсь въ подсчетъ вошелъ крупный торговецъ скотомъ и краснымъ товаромъ въ г. Петропавловскѣ, показавшій свой годовой доходъ въ 13200 руб.). Общая же доходность богатыхъ хозяйствъ достигаетъ въ среднемъ 2000—3000 рублей, а въ отдѣльных случаяхъ десятковъ тысячъ. Такой доходъ предполагаетъ еще болѣе крупный общій оборотъ, — въ десятки и до сотенъ тысячъ рублей.

Общему размѣру хозяйствъ соотвѣтствуетъ и ихъ обезпеченіе постройками и мертвымъ инвентаремъ: на каждое хозяйство приходится въ среднемъ до полутора десятка строеній и нѣсколько десятковъ транспортныхъ и земледѣльческихъ орудій. При этомъ богатый киргизъ не живетъ уже въ землянкѣ, а въ деревянныхъ и каменныхъ домахъ, только лѣтомъ онъ живетъ въ юртѣ, какъ и прочіе его соплеменники, но въ болѣе обширной и богато убранной. Точно также, среди орудій преобладаютъ усовершенствованныя машины и повозки, ничего общаго уже не имѣющія съ первобытной киргизской арбой.

Ведя обширное хозяйство, киргизъ-богачъ уже совершенно отказался отъ физическаго труда,—онъ только верховный руководитель и распорядитель, работу же выполняютъ батраки. Въ среднемъ на хозяйство ихъ приходится 7—9 человекъ, но есть хозяйства, эксплуатирующія трудъ 20 и болѣе рабочихъ.

Въ хозяйствѣ киргиза-богача любопытно сочетаніе вполне современныхъ капиталистическихъ чертъ съ первобытными, кочевыми. Изъ послѣднихъ мы остановимся только на одной,

имѣющей для изслѣдуемаго нами вопроса очень важное значеніе. Чтобы содержать свои громадныя стада, богачъ киргизъ нуждается въ пастбищахъ, обнимающихъ тысячи десятинъ. Между тѣмъ, ни первое, ни повторное изслѣдованіе не зарегистрировали фактовъ обособленія богачей отъ остальной массы сородичей въ землепользованіи и закрѣпленія ими за собой въ личную собственность опредѣленныхъ территорій. Этотъ фактъ станетъ вполне понятенъ, если мы вспомнимъ то, что говорили выше о формахъ современнаго киргизскаго землепользованія. Родовая группа, не смотря на явный процессъ разложенія родового строя, все еще въ правосознаніи киргизъ является владѣтельницей данной, болѣе или менѣе обширной территоріи. При этомъ, если границы даже родовой территоріи намѣчаются лишь весьма приблизительно, то внутри ея границъ землепользованія отдѣльныхъ ауловъ и отдѣльныхъ группъ ауловъ провести почти нельзя. Киргизъ-богачъ не только подчиняется этой неопредѣленности границъ землепользованія, но и извлекаетъ изъ нея большія выгоды: онъ безпрепятственно пастетъ свои многочисленныя стада по всей территоріи своихъ сородичей. Такимъ образомъ у него пока отсутствуетъ побудительный стимулъ къ земельному обособленію отъ массы киргизскаго народа.

Каковъ же сословный составъ киргизъ богачей въ трехъ разсматриваемыхъ уѣздахъ? По свидѣтельству лицъ, производившихъ изслѣдованіе на мѣстахъ, изъ 70 кокчетавскихъ богачей только 7 султанскаго происхожденія (Валихановы, Бексултановы, Чубековы), въ Петропавловскомъ уѣздѣ — только 3 и въ Омскомъ — 1. Въ общемъ же % богачей-потомковъ султановъ не превышаетъ 10 (11 изъ 122). Если допустить даже нѣкоторые пропуски въ регистраціи потомковъ султановъ, то и тогда останется неоспоримымъ, что богачи-киргизы современнаго, а не историческаго происхожденія. Въ то же время извѣстно во всѣхъ уѣздахъ существованіе обѣднѣвшихъ потомковъ султановъ, не вошедшихъ въ число отобранныхъ нами богачей.

На этомъ мы можемъ закончить наше изслѣдованіе, которое привело насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Феодальныя отношенія среди киргизскаго народа получили лишь зачаточное развитіе, и султаны никогда не пользовались большой властью.

2) Русская политика въ области управленія киргизами постепенно и послѣдовательно привела къ уничтоженію всякихъ сословныхъ различій среди киргизскаго населенія *).

3) Въ зависимости отъ этого, а также вслѣдствіе вторженія въ степь новыхъ условій товарно-денежнаго хозяйства, вліяніе бывшихъ султановъ на киргизскую массу пало, и изъ правосознанія народа исчезло самое представленіе объ особыхъ историческихъ правахъ султановъ. Создавшійся среди киргизъ новый, высшій слой весьма, впрочемъ, малочисленный не имѣетъ никакихъ историческихъ правъ и привилегій и основываетъ свое вліяніе на богатствѣ.

4) Ни потомки султановъ, ни киргизы-богачи не владѣютъ какими-либо землями, обособленными по праву захвата, признанному остальнымъ населеніемъ, изъ общинно-родовыхъ территорій.

5) Повторныя изслѣдованія киргизскихъ хозяйствъ, произведенныя послѣ изыятія части земель, занятыхъ киргизами, подъ переселеніе въ трехъ уѣздахъ Акмолинской области, свидѣтельствуютъ о поднятіи благосостоянія киргизскаго населенія и развитіи среди него земледѣлія.

П. П. Румянцевъ.

*) Этого положенія не ослабляютъ извѣстные намъ единичные факты награжденія киргизъ дворянскимъ достоинствомъ за услуги, оказанныя русскому правительству.